

От ненависти *До любви*

**АЛЛА
ПОЛЯНСКАЯ**

НАЙТИ СВОЙ ОСТРОВ

Алла Полянская
Найти свой остров

«ЭКСМО»

2014

Полянская А.

Найти свой остров / А. Полянская — «Эксмо», 2014

С самого детства все считали Нику немного не от мира сего, но открытая душа и доброе сердце с лихвой компенсировали все ее странности. Вот и сейчас, увидев, как упавший с моста автомобиль медленно уходит под воду, она, ни секунды не раздумывая, бросилась на хрупкий лед и вытащила из тонущей машины водителя и пассажиров... Максим Матвеев был поражен: как одна женщина смогла спасти от верной гибели троих сильных мужчин? Но гораздо больше его волновал другой вопрос: кто подстроил аварию? А на следующий день на Нику напали, она сама чудом осталась жива. Теперь уже Матвеев знал: простой благодарностью дело не ограничится, он пойдет на все, но выяснит, кому она могла помешать. Он еще не подозревал, что встреча с Никой вовсе не была случайной и их судьбы связаны между собой гораздо крепче любых уз...

© Полянская А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

1	6
2	16
3	25
4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алла Полянская

Найти свой остров

Copyright © PR-Prime Company, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

1

Ника опаздывала. Она знала, что опаздывает, и тем не менее завозилась с завтраком, потому что Марк любит поесть свежей еды после школы. Потом пыталась рисовать что-то на лице, но все равно из зеркальца смотрели на нее заполошные синие глаза, и толку от косметики не было. И когда она совсем уж было плюнула на это дело, оказалось, что куда-то запропастились серьги, именно те, что были нужны, и ключи от машины оказались не в тарелке, стоящей в прихожей на тумбочке – мама поставила специально для ключей, – а бог знает где... вот, в кармане полушубка. В общем, Ника опаздывала.

– Мам, ты где? – Голос сына в трубке был требовательный и совсем взрослый. – Мам!

– Не кричи, я еще дома, но опаздываю, а на трассе небось снег, скользко... Марек, прошу тебя, после школы сразу домой.

– Я знаю, мам. Ты сама будь осторожна. Если придет Евгения, я ее выгоню, так и знай.

– Марк, ты невыносим. Надеюсь, я донесла это до твоего подросткового сознания. Евгения несчастная тетка, и ты...

– И я ее спущу с лестницы, как только она появится.

– Но...

– То, что она – твоя сестра, во-первых, не доказано, во-вторых, это ничего для меня не значит. Пусть больше не появляется в нашем доме. А ее контакты в твоём телефоне я вчера занес в чёрный список. Все, мать, езжай и не дергайся, и не влипни снова в историю, я тебя прошу.

Трубка умолкла, и Ника, чертыхнувшись, запихнула ее в карман полушубка. Достать что-то из списка в своём телефоне она не знает как – Марек воспользовался ее абсолютной технической чайниковостью.

Ника села в машину, бросила сумку на переднее сиденье и расстегнула полушубок. Она любила свою машинку, она любила ездить – «Хонда» была частью дома, а Нике очень важно чувствовать себя комфортно, но чувство это возникало только тогда, когда она не соприкасалась с согражданами где бы то ни было. Не то чтобы ее раздражали люди, однако присутствие чужих вызывало у нее тревогу и дискомфорт. И благодаря машине вот уже пять лет она не знала, что такое общественный транспорт.

– Ника, ты выехала? – Леркин голос в трубке был вполне сонный.

– Нет, прогреваю мотор. Но мыслями уже в пути. Я успею, Лера, не дергайся.

– Знаю, как ты успеваешь... будешь лететь по трассе, как три Шумахера, а там скользко и снег.

– Безусловно. Но важен результат. Все, я выезжаю, перезвоню, когда все сделаю.

Ника положила трубку на пассажирское сиденье рядом с сумкой и вздохнула. Что ж, с богом. Ездить зимой, конечно, никакого счастья – и хотя на календаре конец ноября, неделю как зарядил снег, а значит – зима, мало ли что там на календаре... И ездить стало скользко, и граждане водители часто ведут себя как последние свиньи, но это лучше, чем общественный транспорт со спрессовавшимся запахом чужих тел, одежды, еще непонятно чего – и присутствием абсолютно посторонних людей, которые что-то жуют, сопят, разговаривают... да просто находятся рядом, и Ника вынуждена делать вид, что все ОК и она нормально к этому относится. Хотя эта ситуация вызывала в ней смесь страха, раздражения, брезгливости и протеста.

И так было всегда. Вокзалы, толпы людей, чужие запахи – все это с детства пугало Нику, в душе вдруг поднимала голову тоска, невесть откуда взявшаяся, безнадежная, как зима. Ника потеряла запястье – отчего-то всегда при таких мыслях у нее начинало болеть левое запястье. Мама говорила, что когда Ника была совсем маленькой, она упала и сломала руку в этом месте, и ее долго лечили. Ника совершенно не помнит этого факта, хотя, если вдуматься, что-то

всплывает в памяти – но воспоминания эти тоже всегда ее пугали, и она научилась прогонять их, и со временем эти воспоминания перестали всплывать, однако если захотеть... но она не хочет.

Дорога забита машинами – город не большой, но и не маленький, и полмиллиона граждан зимой превращаются в потенциальных пациентов больниц и клиентов автосервиса, а улицы – в ловушку для машин и пешеходов. Ника досадливо морщится – конечно, после вчерашнего снегопада никто и не подумал расчистить дороги и тротуары: пешеходы уныло бредут по протоптанным в снегу тропинкам, увязают в сугробах вокруг дорог, автомобили ползут с черепашной скоростью, стараясь соблюдать максимальную дистанцию – мало радости, не успев затормозить, стукнуть чужую машину и разбить свою. Ника даже поехала от такой перспективы: подумать страшно, в какую сумму может вылиться подобное происшествие, а деньги с неба не падают, копеечка тяжелеет с каждым днем.

Повернув на светофоре, Ника наконец вырулила на трассу за городом. Глянув на часы, прибавила скорости – ее ждут через сорок минут, и хотя ехать не так чтоб далеко, однако по скользкой дороге, утрамбованной фурами, это не очень приятно.

– Такое плевое, казалось бы, дело – и тащись за тридевять земель! Вот народ у нас... Это можно решить только при личной встрече, как будто интернета нет.

Ника переключилась на пятую скорость и попробовала обогнать фуру. Встречка пустая, но машина скользит по обледеневшей дороге, и Ника с трудом удерживает руль. Водитель фуры, заметив ее маневр, решил позабавиться и принял влево, перегородив Нике маленький промежуток между ее полосой и встречной. Ника, чертыхнувшись, выехала на встречку и прибавила скорость. Водитель фуры сделал то же самое, не давая Нике обогнать его. Видимо, ему стало скучно, а может, просто натура у мужика говнистая – Ника часто сталкивалась с таким поведением водителей-мужчин по отношению к себе. Словно им обидно, что женщины тоже стали водить машины. Самое приличное, что можно услышать от них, это сакраментальное «баба за рулем – как обезьяна с гранатой». Хотя Ника замечала не раз, что женщины водят и осторожнее, и лучше. Видимо, оттого, что каждая из них ставит целью вернуться домой, к детям, в то время как мужчина, получив в распоряжение автомобиль, очень часто начинает самоутверждаться. Одному обидно, что у кого-то тачка дороже, чем у него, другому невыносимо, чтоб его обогнали на трассе, третий считает, что раз выложил за автомобиль бюджет развивающейся страны, остальные участники движения должны называть его Белым господином и падать ниц при его приближении... Все эти мужские комплексы, страхи, часто даже импотенция или неудачи в карьере выплескиваются на дорогу, и Ника давно решила для себя, что на больных людей обижаться не имеет смысла, а больным она считала всякого, кто, вместо того чтобы нормально ехать, принимается что-то доказывать остальным. И она иногда выбирала такого нервного водителя и доводила его до иступления, вытворяя на дороге именно то, на что тот реагирует. Вот и сейчас, выжав педаль газа и крепко вцепившись в руль, Ника обогнала фуру, едва не вылетев в кювет, и прибавила скорость. Она знала, что сейчас будет: обиженный кретин за рулем начнет ее догонять, прижимать и обгонять, и эти догонялки свободно могут привести их обоих в больничную палату, а то и в морг, только Нике этого не надо, а тому, за рулем фуры, гораздо важнее доказать ей, бабе за рулем, что он здесь главный.

– Скорее всего, ты, тварь, тупое быдловатое чмо с черными ногтями, ни хрена не умеющее ни в жизни, ни в койке. – Ника иногда разговаривала вот так, словно оппонент мог ее услышать. – Небось подбираешь плечевых, а дома строишь жену, попрекая ее каждой копеечкой и проверяя ее сотовый на предмет посторонних эсэмэсок и звонков.

Глянув в зеркало заднего вида, Ника ухмыльнулась – так и есть, фура догоняла ее. Водитель, забыв о снеге и скользкой дороге, неся за ней во весь опор, и Ника, зная эту трассу как свой карман, хихикнула. Через полкилометра начнется длинный поворот – дорога выгнется, и обогнать там кого бы то ни было без риска перевернуться практически невозможно. Навстречу

ей проехал грузовик с логотипом известного хлебозавода, потом несколько легковушек – а вот и начало поворота.

– Укуси себя за задницу, урод, – Ника снова глянула в зеркало заднего вида. – Будешь теперь ехать за мной, никуда не денешься.

Но водитель фуры так не думал. Ника сбавила скорость – войти в радиус поворота нужно осторожно, иначе можно вылететь на встречу либо и вовсе в кювет кувырком. Призвав на помощь всех богов, она повела машину осторожней, и в это время фура, двигающаяся сзади, принялась ее обгонять, вздымая фонтаны грязного снега. Ника добавила скорость – если он обгонит ее, то прицепом заденет обязательно и смоемся, а от нее мокрого места не останется. Понимает ли это водитель фуры, Нике уже было неинтересно, потому что в данный момент речь шла о ее жизни. Сжав руль как можно крепче, она вынырнула перед фурой и, чувствуя, что машина скоро перестанет слушаться, выжала педаль газа до упора.

– Идиот проклятый...

Ее противник такого хамства пережить не мог. Но тяжело груженная фура и легковая машина – это совсем не одно и то же. Навстречу им двигалась такая же фура, но с боками, разрисованными запотевшими бокалами с пивом, абсолютно устрашающе выглядевшими зимой. Впереди маячил железнодорожный переезд с надписью «Канцеровка», а уж оттуда Нике рукой подать до ее цели. Сзади слышится грохот – водитель фуры, все это время догонявший Нику, обуреваемый страстным желанием доказать, что он – мужик, зацепил краем прицепа идущую навстречу фуру. Ника съехала на обочину, ткнувшись носом в сугроб, остановилась и, не глуша двигатель, вылезла из машины. Фуры, сцепившись накрепко, перегородили дорогу, прицеп той, что догоняла Нику, упал набок, и машина выглядела как объевшаяся сороконожка. Водители, выбравшись из кабин, уже начали выяснять, кто из них сексуальное меньшинство, и по всему выходило, что к разряду мужеложцев общим голосованием был причислен водитель, решивший устроить гонки. Ника ухмыльнулась – сейчас его уже не волнует вопрос доказательства своего гендерного превосходства, потому что беседа перестала быть томной.

– Да, это типа Рэмбо – первая кровь. – Ника с удовольствием понаблюдала, как шофер пострадавшей фуры объясняет оппоненту, насколько тот не прав. – Сейчас полиция прибудет и испортит всю потеху, да...

Ника села в машину и, немного сдав назад, снова выехала на дорогу. Обычно ее пиратство на трассе не имело столь разрушительных последствий, но на этот раз она была собой вполне довольна. Зло наказано, а на встречу она, похоже, все-таки успевает.

Ника никогда не любила маленькие городки. И хотя сама жила в сравнительно небольшом городе, но это был все-таки именно город – между Питером и Москвой, – с несколькими работающими предприятиями, с улицами и бульварами, парками и фонтанами, старой церковью около краеведческого музея и несколькими новыми, и даже старый католический храм, свежееотремонтированный, с иголки, высился недалеко от дома, где живет она с Марком. В этот храм ходила бабушка – и Ника ходила с ней, да и сейчас, случается, что заходит – хотя свою принадлежность к какой-либо конфессии не осознает. Просто ходит иногда в храм, где немногочисленная паства сидит на скамейках – может, молятся, может, думают каждый о своем, и отец Ян Собило, молодой еще, опрятный ксендз, вещает на ломаном русском о тернистом пути греха. Нике нравится этот храм – и статуя Девы Марии, молодой красивой женщины со скорбным лицом, и ряды скамеек, сидя на которых можно думать о душе и Боге, а не о гудящих от стояния ногах. Ей нравится, что никто не дергает ее за рукав с яростным шипением – платок надень, бесстыжая! – как будто наличие или отсутствие платка что-то меняет в ней для Бога. Она мало понимает во всех этих тонкостях вокруг тела и крови Христовой, которыми надо причащаться, и всегда избегает этого, как и исповедальни, – хотя отец Ян иногда вопросительно поглядывает на нее, но Ника считает, что она с Богом и так на достаточно

короткой ноге, чтобы впутывать в их отношения еще кого-то. В общем, чаще она приходит в костел, когда там никого нет.

Ника миновала переезд и вслед за другими машинами свернула направо, но, в отличие от остальных, которых свернуть вынудили обстоятельства, она именно туда и направлялась. Городок Красный Маяк, маленький, невзрачный – фактически поселок, и нечего ему примакиваться к городам, но Нике нужно именно сюда, здесь ее ждали дела.

– А ведь будет метель, – она нахмурилась. – Вот гадство...

Это означало, учитывая пробку перед переездом, которую отчасти она же сама и сотворила, что заночевать ей, возможно, придется в гостинице. Не самый худший вариант, но очень уж денег жаль.

Ника ввалилась в вестибюль заводоуправления, на ходу расстегивая полушубок.

– Вы вовремя, Алексей Петрович вас уже ждет.

Конечно, вовремя... Ника вспомнила свои приключения на дороге и накрепко дала себе слово не говорить об этом ни одной живой душе, особенно Марку. Вот ведь напасть: кому-то Бог дает золотые руки, кому-то – быстрые ноги, а ей от щедрот своих выделил задницу, которая притягивает всякие приключения как магнит. И хотя из всех передряг она выходит абсолютно невредимой – каким-то загадочным образом, – но лучше бы передряги обходили ее стороной.

«Все, отныне буду жить тихо и добропорядочно».

Идя за секретаршей, которая в своем нежно-розовом элегантном костюме являла собой эталон добропорядочности, Ника мысленно чертыхнулась – надо было надеть что-то более сложное, чем просто джинсы и свитер. Впрочем, все остальное в ее гардеробе примерно того же свойства, и, по словам мамы, никак не подходит женщине сорока лет. Ну да бог с ними вовсе, с этими шмотками. Ника никогда не любила деловые костюмы, платья из каких-то немислимых светлых тканей – она сразу же сажала на них пятна, мяла, да и смотрелись они на ней как на корове седло.

Жаль, что родители всю жизнь пытаются это исправить, втиснуть ее в какие-то им самим только и понятные рамки, они это называют «жить как люди». Ника считала, что все эти «люди» страшные зануды: они думают только определенным образом, поступают только так и не иначе, одеваются в кошмарно неудобные одежды, в общем, быть «как люди» она отказывалась категорически, сколько себя помнит. Вот Женька, та – да, она в социум вписывалась мгновенно. Ей не приходилось объяснять, что нужно поступать «как люди», – она всегда знала, как они поступают, и сама всегда делала все правильно. Ника же в категорию «людей» не попадала в принципе, и это огорчало родителей, а ее огорчало только потому, что этот факт огорчал их.

И только бабушка принимала ее такой, какая она есть, да еще Лерка с Марком.

Правда, если бы Ника дала себе труд подумать об этом дольше, она бы поняла то, что давно поняла ее давняя подруга Лерка, с которой они когда-то решили замутить бизнес, и та часто отсылала ее на переговоры одну, потому что цифры-то посчитать дело нехитрое, а вот уломать, например, директора стеклозавода, выпускающего строго типовые, одобренные советом директоров или кем-то там еще изделия, изготовить для них под заказ нужное им, да еще за цену, которую они в состоянии заплатить, – это могла только Ника. Но она сама этого не знала.

На двери блестящая табличка – Булатов Алексей Петрович, директор. Нике понравилась фамилия директора – что-то в ней было от древней жизни. Да и сам директор, высокий мужчина лет сорока пяти, с темными, коротко подстриженными волосами, с внимательными светлыми глазами, в сером костюме и синем галстуке, выделяющемся на белоснежной рубашке, тоже ей понравился. Была в нем какая-то надежность, нечто такое, что не во всяком мужчине можно встретить, а Нике подобные и вовсе ни разу не попадались, даже во временное пользование.

– Значит, вы хотите, чтобы я попросил рабочих бросить все дела и изготовить для вас фигурки кошек, вазочки, украшенные этими фигурками, и еще кучу всякой дребедени, цена которой – копейка, а возни с ней. . .

– Ой, я и не знала, что все так сложно. . . – Ника расстроилась и мысленно обругала Лерку, ведь абсолютно прав этот мужик, что ж, рабочие все бросят и будут им фигурки лепить? Или как там их надо делать. . . – Я никогда не видела, как это изготавливают. Знаете, в детстве я кокнула мамину любимую вазу, сидела над ней и мечтала стать стекольной королевой, умеющей исцелять разбитые вазы. И я так себе это представила, что мне показалось, ваза вот-вот склеится, но она не склеилась, конечно, прибежала сестра и наябедничала на меня. . . Вы меня извините, это глупо, конечно, я вас отрываю от дел. . . Но, может быть, я смогу хоть одним глазком поглядеть, как у вас все это делается? Нет, наверное, нельзя, у вас тут все серьезно. . . Знаете, я и правда думала, что это будет красиво: расставить все эти фигурки кошек, нет, можно было бы их купить, но это не то совсем, вы же понимаете. А тут моя партнерша нашла в интернете информацию о вашем заводе, вот мы и. . . Ой, блин, смотрите, снег какой!

– Да, снег. – Алексей Петрович удивленно взглянул на взлохмаченную посетительницу. – И какой!

Они одновременно подошли к окну и посмотрели на падающий снег.

– Так у вас клуб?

– Нет, это не то чтобы клуб. Это арт-кафе, понимаете – музыканты там, художники, поэты. Ну, и так, граждане, конечно. Мы хотели сделать что-то очень. . . богемное. Назвали «Маленький Париж» – почти шесть лет нам уже, и вдруг мы решили добавить что-то новое – нам удалось расширить помещение, и я как-то так все представила. . . Мы с Леркой это обсуждали много раз, и она согласилась, что так будет красиво, но где это заказать? Ну, и вот я здесь. Знаете, у нас ведь не просто люди поесть приходят – у нас собираются как в клуб по интересам, а не в том понимании, что в нынешние ночные клубы. У нас клубные карточки есть, вечера проводятся, людям нравится, знаете, все-таки не интернетом единым и телевизором. . .

– Да, тут вы правы.

Алексей Петрович незаметно рассматривает посетительницу. Высокая, полноватая, с небрежно причесанной копной густых светлых волос – и видно, что они от природы такие светлые, потому что кое-где, если присмотреться, видна седина. Одета в простые синие джинсы и голубой свитер, обтягивающий ее фигуру, на шее – неожиданно элегантный золотой кулон с жемчугом, в ушах – серьги, тоже с жемчугом. Длинные пальцы с ухоженными ногтями – коротко остриженными, но с длинной, безупречно овальной формы ногтевой пластиной. Бледное лицо: маленький носик, пухлые губы и удивленно распахнутые синие глаза в коротких ресницах. И звонкий девичий голос – годы, прожитые этой женщиной, не слишком отразились на ней, потому что голос ее явно был таким и двадцать лет назад, а гладкое, без морщин, лицо, свежая с мороза кожа и какая-то милая непосредственность – ничего нарочитого, жеманного, но искренность и детская готовность удивляться – это располагало к себе мгновенно, от чего он давно отвык. И ее монолог, сбивчивый, явно не подготовленный заранее – вот шла мимо, дай, думаю, зайду! – располагал к ней, сбивал с привычного официального настроения, и ему захотелось вдруг все бросить – и на волю, в пампасы!

– Так, говорите, охота посмотреть на наше производство? – Алексей Петрович подмигнул Нике. – Ну, что ж. Надевайте свою шубейку, и пошли.

– Ой, правда?

– Конечно, правда. – Алексей Петрович и сам не знал, откуда у него вдруг появился этот кураж. – Айда в цех, стекольная королева, посмотрите, как рождаются вазы.

Он с веселым удивлением наблюдал, как Ника едва не вприпрыжку ринулась в приемную за своим полущубком. А сам, накинув парку поверх пиджака, вышел следом.

– Агата Михайловна, мы с нашей гостьей пойдем в цех.

– Но у вас через пятнадцать минут...

– Ничего, отмените, дело терпит. Идемте, Ника.

Они идут по заснеженным дорожкам, и Нике до того любопытно, что же там, в цеху, и как это все работает, пыхтит, крутится.

– Осторожно, скользко! – Алексей Петрович на лету ловит Нику, которая едва не упала и от этого выругалась. Ему отчего-то смешно слышать из ее уст короткое емкое слово, которым русский человек всякий раз комментирует какой-то неожиданный казус.

– Извините... привычка дурацкая... ругаюсь, как пьяный сапожник...

– А кто бы удержался? Расчистили, конечно, но...

– Так ведь чистить сейчас снег какой смысл? Нападает снова, хотя мог бы и зимы дожидаться, еще только конец ноября как-никак.

– Тоже верно. Все, вот стеклодувный цех. Я так понимаю, вам именно это хотелось увидеть, да?

– Ой, знаете, как-то в детстве я по телевизору видела... очень интересно, трубка такая, дуешь в нее, и выдувается бутылочка или еще что... Я вот, например, не знала, что здесь есть такой завод.

– Наш завод возник еще в начале девятнадцатого века – купец Никонов выписал мастеров из самого Ямбурга и поселок построил вокруг завода – беглые крестьяне селились и работали, варили стекло, учились стеклодувному делу. В общем, народ здесь тогда состоял из нескольких нанятых немецких мастеров да шпаны. И это дело весьма процветало, но после революции все развалилось, не до того было, а потом товарищи большевики спохватились и отстроили все заново. И поселок Никоновский стал городом Красный Маяк. Так и стоит здесь предприятие с тех пор, сейчас уже перешло в частные руки, но работает, не бедствуем. Вот, пришли.

Из открывшейся двери на них пахло жаром, смесью самых разных запахов, окружили звуки. Ника пыталась все разглядеть тут же, одним махом, но это не получалось. Кто-то здоровался с директором, о чем-то говорили, а она во все глаза смотрела на то, как обычные люди один за другим выдувают шары, помещают их в формы, где они превращаются в стеклянные стаканы. И готовые тут же стоят, разноцветные...

– Вот, Ника, здесь и делают вазы. – Алексей Петрович подошел к одному из чанов, взял из рук рабочего длинную трубку. – Нужно зачерпнуть немного массы и дуть, попробуйте.

Ника осторожно взяла из его рук трубку, другим концом зачерпнула лениво булькающую стеклянную массу и осторожно подула. Голубая капля, показавшаяся с другого конца трубки, словно кусочек летнего неба, повергла Нику в абсолютный восторг.

– Смелей! Сейчас мы вам такую вазу организуем – вместо той, что вы у мамы своей разбили!

Они, конечно, все сделали сами – но ваза родилась от дыхания Ники, и она это знала! И это было как-то очень... интимно, что ли.

– Теперь можно нанести позолоту, но можно оставить как есть – видите в форме внутри насечки и ямки? Вот они и дают этот узор. Красиво... Сколько раз смотрю на это – а все удивляюсь, до чего же прекрасно! Ведь стекло – это не самая необходимая для человека вещь. Промысел этот изначально задумывался для души, что ли. Для красоты бытия. Человек, впервые сделавший стеклянную чашку вместо глиняной или деревянной, думал не о том, что ему нужно зачерпнуть воды, чтобы утолить жажду, а о том, как это будет красиво. Вы понимаете, Ника?

– Да. Это... невероятно. Алексей Петрович, я вам очень благодарна за экскурсию. Вы даже не представляете, как я рада, что приехала сюда, не важно, что без кошек уеду, бог с ними, купим. Но это...

– Да, насчет кошек. Иван Григорич, подойди-ка, глянь сюда. Вот, просит девушка сделать таких зверей. Ты как?

Пожилой мастер с интересом взял в руки эскизы, что нарисовала Ника.

– Таких-то? Хороши... вот этих можно из желтого стекла, тех – с полосками, а этого вот из черного, а если вазу выдуть из красного стекла да оплести стеклянными же листьями, а по ним пустить не одного котенка, а выводок, а маму-кошку и папу-кота вот здесь... эх, вот где для души работа!

– Так что, сделаем?

– Хорошему человеку – отчего ж не сделать? Не денег ради, а для души. Это же задумка красивая, если кто понимает! А, Алексей Петрович? Ведь здорово придумано! А наш отдел дизайнерский и недотумкал, мудрили что-то непонятное, когда вот же оно!

– Согласен. Ну, что ж, об этом мы с Никой поговорим... Где там ваза наша?

– Обжигают. Сейчас маленько подостынет, упакуем – а то дама пальцы обожжет, – молодая девушка весело подмигнула Нике. – Да и везти ее нужно, чтоб не разбилась. Красивая вышла ваза – стекло, оно человека чувствует. Я давно заметила: если злой человек, не будет из него стеклодува никогда.

Что-то живое прыгнуло Нике на ногу – невесть откуда, и она от неожиданности пискнула, но тут же поняла, что зря. Под ногами уютно устроился крохотный серый котенок – может, месяц ему от роду, самое большое – полтора.

– Это тут у нас кошка цеховая родила, да сразу пятерых. – Иван Григорьевич поднял котенка с пола. – Уже разобрали всех, а этот пока остался, вот и хулиганит потихоньку.

– Так он ничей?

Котенок уютно устроился в широких ладонях мастера и заинтересованно посматривал вокруг.

– Ну как это – ничей? Кот не бывает чей-то, это человек – его. Вот пока у вас нет кота, вы – ничей человек, а будет кот, и вы станете принадлежать ему. – Иван Григорьевич хитровато улыбается. – Так оно устроено, не нам менять. А своего человека кот завсегда сам выбирает. Вот этот выбрал вас, похоже.

– Тогда я, пожалуй, его возьму. – Ника подставила ладони, и мастер положил ей в руки теплый живой клубок. – Раз уж он меня выбрал, куда ж теперь деваться...

– Вот и хорошо. Это кот, счастье приносящий. Коты в нашем городе все такие. Так насчет вашего заказа. Сделаю, с удовольствием сделаю. Для хорошего человека постараться, да еще работа какая душевная, это же редкий случай! А как готово будет, так вам и сообщат.

– Вот спасибо! – Ника счастливо улыбается котенку в ладонях. – Я уж и не надеялась.

– Да кому другому и отказал бы, но хорошему человеку не откажу никогда.

– Да откуда ж вам знать, какой я человек?

– Так вот примета верная, Варька ж тебе сказала: из злого человека стеклодува не будет, а ты вон какую вазу себе отгрохала с ходу! А вторая примета – вот она, в руках у тебя. Кот никогда не выберет сволочь. Если он выбрал кого – это точно хороший человек. Котенок может жить рядом с людьми, но не выбирать их, просто жить сам по себе, и все, и люди могут быть какие угодно – кот их к себе не подпустит, в душу свою то есть. Но если выбрал сам, то уж точно знает, кого. Так-то. Ступай, Алексей Петрович вон уже с начальником цеха поговорил. Как сделаю, дам знать, не бойсь.

Спрятав котенка под полушубок, Ника пошла к выходу. У двери знакомая девушка подала ей картонную коробку.

– Вот, я тут скотч закутила, чтоб нести было удобно.

– Спасибо большое!

– Ага, так вы Масика забираете? Ну, теперь ему будет не жизнь, а сплошная малина.

Девушка, приветливо кивнув, скрылась за дверью, а Ника и Алексей Петрович остались стоять посреди падающего снега.

– Давайте, вазу я возьму, а вы уж постарайтесь не упасть, – предложил он.

– Ой, ну что вы...

– Нет уж. Ваше первое стекло надо сохранить обязательно! Мы теперь с вами считайте что родня – вон, тигра нашего домой увозите.

– Да... это случайно получилось. Ничего, привыкнет.

– Давайте-ка зайдем ко мне, выпьем чаю и потолкуем о делах. – Алексей Петрович осторожно ступает впереди Ники, прокладывая путь. – Метель-то, пожалуй, вас домой не пустит, придется вам в гостинице заночевать. Я распоряжусь, номер вам дадут, покормят – раз такое дело...

– Да ничего, я и не в такие метели ездила.

– У вас дома муж ревнивый и дети маленькие?

– Нет у меня никакого мужа, вот еще!

Его позабавило, с каким возмущением эта странная женщина отмежевалась от звания замужней дамы. Все у нее нескладно, все наоборот – но только отчего-то кажется, что все она делает правильно, и это у него и остальных все шиворот-навыворот.

– И детей нет?

– Есть. Сын, в следующем году школу заканчивает. Вот, теперь кот имеется. Блин, снег-то стеной!

– Едем в гостиницу, по дороге и поговорим.

Они грузятся в машину Ники, Алексей Петрович садится за руль, и она совсем не протестует, хотя ни разу еще никто чужой не садился за руль ее «Хонды».

– Темнеет рано, а по такой пурге ехать – это чистое самоубийство. – Алексей Петрович уверенно рулит сквозь пелену снега. – У нас тут хорошая гостиница, построили специально для того, чтоб было где партнеров принять, ну и так, конечно, людям случается застрять. Для вас все бесплатно, номер отличный, кухня приличная. А завтра дорогу расчистят, и в путь, ехать и правда недалеко.

– Этому гражданину надо бы купить приданое...

– Все сейчас сделаем. Ника, вопрос вот в чем. Иван Григорьевич прав, а я не подумал сразу... Эта ваша придумка с кошками мне очень нравится, и я бы хотел, чтобы мы, с вашего разрешения, развивали эту тему. Если вы позволите воспользоваться вашими эскизами и дальше работать над идеей, это было бы взаимовыгодно. И если появятся новые эскизы, я хотел бы первым их видеть. Я не мастер – так, управленец, в стеклодувном деле и вовсе подмастерье, нет у меня этой, знаете, творческой жилки, а без нее не бывает в нашем деле мастера. Иван Григорьевич – настоящий художник, он сразу увидел то, что здесь можно сделать, как сделать, чтобы каждая вещь стала уникальной.

– Берите, пользуйтесь! У меня много эскизов, если хотите, я пришлю вам на мыло.

– Да, пожалуйста. Я сброшу вам на сотовый электронный адрес.

– Да я могу у компаньонки взять тот, с которого пришла ваша реклама.

– Реклама? – Булатов удивленно поднял брови. – Мы не рассылаем спам, Ника.

– Странно... а Лерка – это моя напарница и компаньонка, сказала, что реклама ей пришла от вас, так она и узнала о вашем заводе – буквально позавчера.

– Нет, Ника, это какая-то ошибка. Мы никогда и никому не рассылаем рекламу – хотя бы потому, что не работаем под мелкие заказы типа вашего, у нас производство, и масштабы, как видите, тоже производственные.

– Да? – Ника вздохнула. – Ну, значит, я все перепутала снова. Лерка сердится, говорит, что у меня в голове ничего не держится, все путается – но тут уж я ничего не могу поделать.

– И не надо. – Булатову захотелось вдруг взять ее ладонь в свои руки и ощутить ее тепло. – Просто рисуйте, а остальное оставьте людям, у которых плохо с фантазией.

Ника не умела рисовать, как рисуют художники, – не было ни четкости линий, ни мастерского исполнения, просто рисунки ручкой на листах – кошки, грибы и гномы, сказочные принцессы, туфельки, какие-то невероятные цветы. Вся сказочная кутерьма, которая теснилась в

ее голове и мешала ей жить «как люди», иногда вываливалась на бумагу, Ника сканировала рисунки и прятала в папку на компьютере. Ну а кошек, конечно, нарисовала накануне. Схематично, чтобы показать, как она это видит, – но ее глазами увидел их только старый мастер Иван Григорьевич.

– Да я что... просто не понимаю, как я могла позабыть.

– Неважно, это мелочи. Договор подпишем сразу же, и...

– Договор?

– Ну да. Мы же будем вам платить, отчислять процент, а это без договора никак.

– Платить? Мне? – Ника удивленно посмотрела на своего спутника. – За кошек?

– За идеи. – Алексей Петрович едва сдерживал смех. Боже, как это создание умудрилось столько прожить на свете и не пропасть? – Ника, на самом деле художник из вас никакой.

– Да я же знаю, знаю! Один раз сыну, Марку, задали в школе тигра нарисовать, а он не знал как, – я и нарисовала... Так училка ему сказала: пусть мама купит себе альбом и рисует там. Ой, я снова вас перебила...

Он расхохотался, пришлось остановить машину, потому что от смеха он не мог ее вести. Давно уже ему не было так легко и весело, причем ничего она специально не делала, эта странная Ника. Сидит рядом, гладит котенка, спящего на коленях, и просто болтает, тарашась синими глазищами куда-то сквозь снег. Что она видит, какие сказочные замки, где бродят ее мысли, как она живет в этом страшном мире такая-то?

– Я опять что-то сморозила... Это со мной постоянно. Алексей Петрович, я вас от дел оторвала, от меня одно беспокойство...

– Бог с вами. Я отлично провел время. Значит, так. Сейчас план действий такой: купим вашему питомцу лоток и все, что полагается иметь при себе порядочному коту. Едем в гостиницу, селим вас в номер, обедаем – и все, до вечера я занят, а вы отдыхаете. Спите, рисуете, звоните подружкам или сыну, гладите кота, да что угодно делаете, но – в гостинице. А вечером я заеду, мы поужинаем и подпишем контракт. А уж завтра вы упорхнете в свою жизнь, но не так окончательно, как если бы вы уехали, не уговорив меня показать вам стеклодувный цех.

Суета с покупкой кошачьих принадлежностей и корма, с поселением в гостиницу, с обедом – все это как-то вытеснило из головы Ники мысли о том, что она, похоже, снова вляпалась в историю и рассказать о ней она не сможет никому. А еще этот Алексей Петрович, такой с виду суровый, оказался вполне милым человеком. И серый котенок, свернувшись в клубок, тепло прижимается к ней, наевшись до отвала паштета и быстро поняв, что от него хотят, когда сажают в наполнитель. Похоже, и чувствует себя как дома в этом добротном устроенном чистом гостиничном номере с удобной кроватью, телевизором и ванной.

– Мам, ты где?! – Голос Марека в трубке звучит обеспокоенно. – Тут метель такая, ты...

– Сынулька, я в гостинице осталась. Снег стеной.

– А, тогда хорошо, я боялся, что ты в дорогу ринешься. Ты там как, в порядке?

– Ага. Марек... тут дело такое...

– Мам! Ты опять влипла в историю?

– Нет. Просто я не одна приеду, я тут котенком обзавелась.

– А, котенок – это хорошо. Он вызывает положительные эмоции. – Марек смеется. – А какой он?

– Маленький такой, серый... с полосками. Хороший котенок, ценный мех, усики смешные. В цеху стеклодувном родился, присвоил меня сегодня, а завтра мы будем дома.

– Жду не дождусь. Котэ – это отлично.

– Отлично, когда котэ.

Они всегда понимали друг друга, и это модное интернетное слово «котэ», обозначающее любое кошкосущество, у них тоже прижилось. Женька с мамой постоянно говорили, что это совершенно недопустимо – сорокалетней женщине иметь такой лексикон, как будто сорок –

некий рубеж, означающий конец всему хорошему и забавному, что есть в жизни. Но Ника давно перестала жить «как люди» – просто потому, что она этого не хотела. Вот не хотела, и все. Заставить ее делать то, что она не хочет, было невозможно, и родители, и Женька – они все это знали, но все равно всякий раз предпринимали попытки осады.

Ника поднялась и пошла в ванную. Скоро придет Алексей Петрович, нужно в порядок себя привести. В машине всегда есть сумка с разными вещами – как раз на случай такой вот незапланированной ночевки вне дома. Время от времени Ника что-то оттуда вынимает, что-то добавляет, но основные обитатели сумки всегда неизменны: зубная паста, щетка, мыло, крем для лица, флакончик духов, полотенца, белье, комплект одежды, тапки и халат. Ника вздохнула: халаты – еще один камень преткновения с родителями и Женькой: никаких халатов, что за расхлябанность, тебе сорок лет, это возраст элегантности, сколько можно жить как маргиналка, бигуди еще накрути!

Но Нике нравилось прийти домой, раздеться и надеть теплый уютный халат, и никакого белья, ничего – только халат и она сама.

Снег за окном валил не переставая, и Ника с тоской думала о том, что если завтра не расчистят дорогу, выехать она не сможет.

В дверь постучали.

– Это горничная. Принесла вам полотенца.

Ника открыла дверь, впусив девушку со стопкой полотенец. По коридору шел высокий мужчина с черной спортивной сумкой в руке. Его глаза равнодушно скользнули по Нике, а она отчего-то поспешила взять полотенца и запереться в номере. Ей не понравился этот человек с первого взгляда, инстинктивно она вдруг ощутила опасность, исходящую от него. А она привыкла доверять своей интуиции, так было всегда – она чутьем определяла, хорош или плох человек, в считанные секунды отделяя зерна от плевел, и всегда радовалась, что ей в жизни больше все-таки попадается людей хороших, а значит, их больше на свете.

2

Когда-то Матвеев любил командировки. С того еще времени, когда окончил институт и поступил на работу в умирающее архитектурное управление, и его, не успевшего обзавестись семьей, посылали во все командировки подряд. Он любил поезда – его совершенно не угнетала верхняя полка, накрахмаленное до фанерного состояния белье, храпящие соседи – он любил открывать для себя новые места, колесить по стране, смотреть в окно вагона и видеть поля, леса, города, деревни, поселки и станции. Он жадно вглядывался в мелькающую за окном бесконечную ленту, думая о том, что там тоже живут люди – растят детей, думают о каких-то своих делах, ходят друг к другу в гости, и он никогда не узнает их, а они не узнают его. Но крохотная часть их жизни пролетает мимо него в окне вагона и остается с ним навсегда.

Матвеев вообще интересовался людьми. И дома, которые он проектировал, всегда имели свое лицо – потому что он проектировал их для разных жильцов. Как не бывает одинаковых людей, так и одинаковых домов тоже не бывает. И типовая застройка вызывала у Матвеева странное чувство: с одной стороны, он радовался за тех, кто въезжал в новые квартиры, с другой – ужасался безликости проектов. Ему хотелось строить что-то другое.

Времена постоянных командировок ушли безвозвратно, и в двадцать четыре года Максим оказался предоставлен сам себе – в эпоху дикого капитализма его диплом архитектурного института так бы и канул в Лету, если бы не особенное везение, которым наградили его боги при рождении. Матвеев был везучий сукин сын: он переступал яму, в которую обязательно падали остальные, он всегда успевал вскочить в уходящий автобус, в очереди ему всегда доставался товар, даже если после него он и заканчивался. Матвеев знал о своем необычайном фарте, хотя никогда не надеялся только на него – его дела всегда шли неплохо. Он быстро сходил с людьми, обрастал приятелями, в самом неожиданном месте у него мог оказаться шапочный знакомый, с которым он сердечно рад был повидаться. Он помнил все имена и лица, горести друзей расстраивали его, а удачи – радовали, и его все любили за эту легкость, светлую какую-то открытость. И он интересовался людьми, умел слушать их, сопереживать и помогать, и оттого шагало ему по жизни весело и шумно. Он решительно не понимал, как можно бояться жизни, с веселым прищуром глядел на то, что его окружает. Словно жил на верхней полке вагона: поезд едет, а он смотрит в окно, попутчики что-то бубнят, и можно поспать, или поговорить за жизнь, или спросить у проводницы чаю с лимоном и порционно упакованным рафинадом... Матвеев был убежден, что механизм его жизни работает в основном правильно.

Правда, теперь он на поездах не катается – обзавелся машиной, водителем, охраной, и это не то чтоб тяготило его, он понимал необходимость подобных мер, но при этом чувствовал себя так, словно поезд идет без остановок, а в купе он теперь отчего-то один. Впрочем, времени думать об этом практически не оставалось, и только когда нужно было ехать куда-то по делам, он всякий раз вспоминал тот год, когда работал в архитектурном управлении, встречался с будущей женой, ездил по стройкам и новые лица радовали и удивляли его.

– Что там такое, Петя?

Машина замерла в хвосте огромной пробки. Матвеев досадливо поморщился – он не любил бессмысленное ожидание. Собственно, из-за этого он сам не сел за руль.

– Сейчас узнаю, Максим Николаевич.

Охранник вышел из машины и потопал по снегу вдоль стоящих машин. Так, это надолго.

– Витя, выйди, покури.

Водитель, с благодарностью взглянув на шефа, выскочил из машины, на ходу доставая сигареты и зажигалку – курить ему хотелось отчаянно. Матвеев умел прощать людям их маленькие слабости, не требуя ни от кого невозможного. Это было одно из его правил – не требовать от человека того, чего он не может тебе дать в силу своего характера, склада лично-

сти или привычек. И, конечно, Матвеев знал, что заядлый курильщик Витя Бобров никогда не позволяет себе курить в машине, даже если едет один.

Охранник вернулся, кивнув водителю, жадно затягивающемуся дымом.

– Авария там, Максим Николаевич. – Петя сел в машину, принес с собой запах табачного дыма и мороза. – Узкое место, фуры не разъехались, одна перевернулась, ее разгружают сейчас, потом их растащат. Часа на два-три застряли.

– Тогда надо выбирать, здесь недалеко городок имеется, переждем там.

– Наше счастье, что встреча свободна.

– Ну, значит, так тому и быть, сейчас Виктор докурит, и поедет.

Матвеев не любил ломать людям кайф – пусть водитель докурит свою сигарету, подышит воздухом, разомнется – торопиться некуда, все равно их ждут только завтра. Матвеев старался не составлять себе расписание со временем впритык, он вел свои дела не спеша, не отказывая себе в удовольствии насладиться дорогой, не погоняя при этом в хвост и в гриву подчиненных.

– Куда теперь, Максим Николаевич? – Витя устроился на водительском сиденье и посмотрел на шефа в зеркало заднего вида. – Стоять-то, пожалуй что, и холодно.

– Выруливай на встречу, возвращаемся назад. В двадцати километрах отсюда есть поворот, там городок. Пообедаем, отдохнем маленько.

Витя, понимающе кивнув, двинулся с места. Многие, стоящие в очереди, решили точно так же объехать пробку, а потому машина осторожно вывернула между двумя небольшими легковушками, и они поехали.

– А я и не знал, что там есть город. – Витя удивленно смеется. – Откуда вам все это известно, Максим Николаевич?

– Ну а ты как думал? Вот карта, все в ней указано.

– Но вы-то и без карты знаете?

– Ты из меня оракула не делай. – Матвеев посмеивается, глядя на озадаченного водителя. – Я живу на полтора десятка лет дольше, чем ты. Поездив, поглядел. Много где бывал – велика Россия, а раньше страна была еще больше, да и ездило проще. Сел в поезд, и нет больше никакой твоей заботы.

Витя хмыкнул, призадумавшись, – он покурил, немного попрыгал на морозном воздухе, разминая ноги, и теперь дорога была снова ему в радость. А впереди маячил сытный обед – шеф всегда накормит, а может, и в гостинице отдохнут до завтра – как карта ляжет. Спросил Виктора Боброва, где бы он хотел работать, если б у него был выбор, и он бы сказал – а вот здесь, граждане, где я есть, тут мне и быть, и отвалите с вашими предложениями. Все было по нему: и работа водителем, и машина, которую он содержал в идеальном порядке, и шеф, нормальный мужик, который никогда не станет помыкать тобой или песочить зазря. А ведь бывало всякое, за свои двадцать семь лет Витя успел повидать разных работодателей и послушаться историй от коллег. Но они не имели к нему никакого отношения: платил Матвеев исправно, не скупясь, в командировках не гнушался за одним столом с охранником и водителем отобедать и с пониманием относился к потребностям услуги – чего ж еще желать? Благодаря этой работе спокойно живет его семья: мать, жена Анжелка и близнецы-трехлетки, Пашка да Машка. И шеф – человек душевный, а от добра, как известно, добра не ищут.

Начал падать снег – крупными хлопьями, дворники едва справляются.

– Снег-то как некстати... – Витя вздыхает. – Ехать по темноте да по снегу – чего уж хуже.

Поворот еще виден, дорогу припорошило, но проехать можно, и Витя, повернув, увеличивает скорость – скоро, похоже, все занесет.

– Максим Николаевич, да это не город, а скорее поселок.

И хотя на карте указано, что данный населенный пункт не что иное, как город Красный Маяк, но городом его, конечно, можно назвать с большой натяжкой. В центре застроен пятиэтажками, похожими друг на друга, как спичечные коробки, а дальше уж разбегались во все

стороны частные дома и домики. Ухабистые улицы, мордатые коты, сидящие на столбиках ворот, припорошенные снегом, бредущие по пузо в сугробах по своим, лишь им одним ведомым, кошачьим надобностям, их здесь отчего-то великое множество – рыжих, серых, черных, пятнистых, – и сразу видно, что чувствуют они себя хозяевами. Красный Маяк – котопросветленный город, и это понравилось ему отчего-то с ходу.

– Ишь ты, какая прорва котяр! – Петя весело хихикает. – Это ж надо! Просто выставка целая!

– Да, необычно. – Матвеев с удовольствием рассматривает симпатичные хищные морды. – Видимо, живут здесь люди приятные и добродушные. Я вот что по жизни заметил: люди, не любящие кошек, на поверку оказываются теми еще гадами. Ну вот хотите верьте, хотите нет – а это так.

– Если подумать, то оно и правда. – Петя озадаченно чешет макушку. – Был у нас в доме старикашка один, кошек дворовых гонял, ненавидел люто. И все один, ни к нему никто, ни он никуда. А потом оказалось, что была у него семья, дети были, внуки – а только шарахались они от него как от чумы – он их изводил по-всякому, пока не ушли от него, и жена его бросила: как дети выросли, у сына поселилась. И ладно бы по пьяной лавочке он это делал, так нет же, на трезвую голову – говорят, всякие пакости измышлял, чтоб детям и жене боль причинить. Я не знаю, зачем ему это было нужно, но вот кошек он ненавидел страшно, факт. И еще можно вспомнить...

– Все, приехали. – Витя паркует машину на стоянке. – Тут всего-то одна площадь, видать, на ней вся здешняя цивилизация.

– Ну так выйдем и познакомимся с обитателями этой планеты. – Матвеев, посмеиваясь, выбрался из машины. – А морозец-то, пожалуй, нешуточный, да и снег валит обстоятельно. А это только ноябрь...

Он огляделся по сторонам – занесенный снегом Красный Маяк выглядел достаточно убого. Это был один из тех городков, которые выстраивались вокруг какого-нибудь предприятия. И трубы завода виднелись – значит, все правильно, и он еще работает, раз городок этот жив и коты в нем благоденствуют.

Витя припарковал внедорожник на небольшой стоянке, неожиданно забитой машинами. Присмотревшись к номерам, Матвеев понял, что не ему одному пришла в голову мысль переждать дорожную пробку в Красном Маяке – машины были с номерами из разных мест. И снова Матвееву подумалось: сколько людей едут отовсюду по разным делам, а дорога одна на всех, и этот городишко теперь тоже один на всех.

Площадь оказалась просторной, посреди нее был круг, на котором росли три огромные ели – сорок ярусов насчитал Матвеев. Ели стояли, словно взявшись за руки, припорошенные снегом, они выглядели заблудившимися посреди людских жилищ, и Матвеев про себя подивился такому дизайнерскому решению.

– Ишь ты, красавицы какие! – Витя озадаченно крутит головой. – Холеные!

И правда, подумал Матвеев. Именно – холеные. Не заблудившиеся, а хозяйки этой городской площади, и люди им все условия создали и продолжают исправно им служить.

– Да, хороши. – Матвеев уже продрог на морозе, снег моментально покрыл ему голову. – Ну, что, братцы, пора нам где-то приземлиться и ввести в организм нужное количество белков, жиров и углеводов. Да и от снега укрыться, ишь, как валит – сугробами целыми.

Площадь со всех сторон окружили дома. Они отличались от типовой застройки панельного убожества. Они были сработаны из красного кирпича, имели некоторые архитектурные изыски в виде башенок, лепных украшений и полукруглых окон. Матвеев знал эту застройку конца пятидесятых прошлого века, и она была не худшей из того, что тогда строилось. Видно было, что некоторые здания заняты администрацией, а некоторые – жилые, и на первых этажах разместились магазины и кафе.

– Пожалуй, нам сюда. – Матвеев решительно направился к зданию с надписью «Гостиница «Жемчужина» на фасаде. – Петь, меня здесь не от кого защищать, расслабься.

– Работа такая, Максим Николаевич.

– Ну разве что работа.

Они пересекли площадь и остановились у двухэтажного здания, втиснувшегося между двумя пятиэтажными домами. И тут же на первом этаже был ресторан с аналогичным названием. Фасад небольшой, с мезонином, здание оказалось зажато между домов. Тем не менее по два больших окна по бокам от колонн все-таки получилось, и Матвеев про себя усмехнулся – пожалуй, тут ничего иного нельзя было построить, хотя этот мезонин... а с другой стороны, кто он такой, чтобы критиковать неведомого архитектора? Мезонин так мезонин, бог с ним.

Как только гости сдали в гардероб верхнюю одежду, вежливый молодой человек мигом провел их в ресторан, устроил за столиком, тут же подбежала официантка в синем платье, скромно прикрывающем колени, подпоясанная клетчатым передником, сунула им в руки кожаные книжечки меню и поинтересовалась, не принести ли чего прямо сейчас.

– Нет, спасибо,ждемся заказа. Как вы, ребята?

– Да подождем, Максим Николаевич. – Петя согласно кивнул. – Зачем перебивать аппетит, желудок – он порядок любит.

– Ну и ладно. Сейчас выберем и закажем.

Официантка, улынувшись, отчалила к очередному посетителю, а Матвеев углубился в меню. Его вкусы в еде были вполне непритязательными: суп из грибов, картошка-пюре с хорошо прожаренным стейком, салатик из свежих овощей и томатный сок. Он любил есть это с детства и искренне не понимал вкуса экзотики, которой в последние годы было кругом в изобилии.

Сделав заказ, Матвеев огляделся. Зал был вполне просторным для ресторана в таком захолустье и очень прилично обустроенным. Столики с белоснежными скатертями, начищенные приборы, белые тарелки, аккуратный и вышколенный персонал. Матвеев представить себе не мог, кто здесь устроил этот райский уголок, а главное – зачем? Вряд ли местные жители станут заказывать тут еду – по меркам Москвы или Питера, она стоит копейки, но по местным меркам, это не очень доступные цены. А ведь есть еще гостиница... Матвеев одернул себя – что за дурацкая у него манера совать нос в чужие дела! А все любопытство, будь оно неладно. Ну, какая, казалось бы, разница ему, кто и зачем отгрохал в дыре такую красоту, а вот, поди ж ты, интересно!

Зал был наполнен посетителями; как определил Матвеев, почти все они приезжие – это их машины теснились на стоянке, где сейчас отдыхает и его внедорожник. Вот две женщины, похоже, это их машина с московскими номерами стоит рядом с его. Москвичей видно сразу: деловые, одетые с офисным шиком, в дорогих часах, с безупречными улыбками и прическами. Матвеев не понимал таких женщин и сторонился их, они казались ему искусственно выращенными в какой-то кислотной среде, враждебной человеку. Ему гораздо ближе и понятнее казалась только что вошедшая пара: полноватая блондинка в синих джинсах и голубом свитере – немного взлохмаченная, с доверчиво распахнутыми синими глазищами и безмятежной улыбкой. Дама пришла в компании солидного мужика примерно его лет. Костюм его Матвеев оценил, отчего-то вспомнив Панфилова с его вечными туфлями по бешеной цене... впрочем, не похоже, что это парочка, хотя мужику блондинка явно нравится. Матвеев мысленно ухмыльнулся: не перевелись еще мужики, которые ценят таких вот кровь с молоком уютных женщин. Но ему самому подобные никогда не нравились – ну куда с ней? Ни в поход, ни в спортзал, ни на лыжах покататься, ни в теннис поиграть. Джинсы напялила, бестолочь, и свитерок в обтяжку... хотя грудь хороша, а руки очень изящные, и глаза синие, доверчивые... Таких глаз не должно быть на лице взрослой тетки.

А вот семейство – муж с женой и тремя детьми, похоже, погодками, старшему лет тринадцать. Улыбчивые дети, похожие друг на друга, как пятаки в копилке, даже младшая девочка с такими же, как у братьев, светлыми волосами, голубыми глазами и ямочками на щеках. Матвеев вспомнил Маринку и снова мысленно улыбнулся – дочь уже выросла, учится в далеком Лондоне, но когда-то и она была такая вот маленькая, всегда радостная, открытая навстречу жизни и людям – вся в отца, как ворчала Томка, но ворчала несерьезно, больше для порядка. Жена была в их семье Торквемадой – так она сама себя называла и считала, что без ее чуткого руководства и постоянного вмешательства муж и дочь пропадут – как есть пропадут! И когда Томки пять лет назад не стало, Матвеев почти что пропал, и только необходимость заботы о Маринке и пятилетнем Димке удержала его от темного отчаяния и беспросветной депрессии. Он решительно не знал, как жить без Томки – она была частью его самого, как правая рука или полушарие мозга. Она твердой рукой вела корабль их семьи по бурным волнам быта, она делала кучу разных дел, решала множество вопросов, о существовании которых Матвеев и не подозревал. Томка не умела, так как он, безоговорочно сходитьсь с людьми, она жила осторожно, словно ступая по минному полю, и все у нее было выстроено логично, под линейку, все в полном порядке. Она и умерла, оставив ему целый свод инструкций по эксплуатации квартиры и окружающему быту, и Матвеев с Маринкой не утонули в мелочах именно потому, что Томка направляла их верной рукой – и после смерти.

Теперь Торквемадой в их доме стал Димка. К десяти годам выяснилось, что от отца ему передалась только страсть к рисованию, а все остальное он взял от матери. Глядя на Матвеева темными Томкиными глазами, Димка строго интересовался, позавтракал ли родитель и когда придет домой, напоминал, что денег на хозяйство надо оставить, а Анна Петровна – бестолочь, и надо бы ее рассчитать.

Матвеев вздохнул. Димка так и не походил в детях – когда не стало Томки, в их доме словно погасло то теплое, ровное свечение, что делало их квартиру именно домом, а Диму и Маринку – детьми. А когда уехала в Лондон Маринка, стало еще хуже, пришлось нанимать гувернантку и экономку, и бог знает, что бы из этого вышло, если бы не Димка-Торквемада, который, как и Томка, шел верной дорогой, вооружившись оставленными матерью инструкциями и его собственными. Матвееву иногда казалось, что жена и не умерла вовсе, а просто улетела в космос – наводить там порядок. И дом катился по раз и навсегда проложенным рельсам порядка, но вот свет погас, да... Матвеев знал, что не сможет впустить в свою жизнь другую женщину – после Томки, – не только сейчас, а, может, и никогда. И иногда просыпался ночью, явственно ощущая запах ее волос.

– Максим Николаевич, а снег-то валит и вовсе не на шутку! – Витя встревоженно смотрит в окно. – Поди, заметет дорогу совсем...

Матвеев оторвался от стейка и тоже посмотрел в окно. Снег валил крупными хлопьями, да так густо, словно ему за это платили большие деньги.

– Эдак не выедем, надо сейчас выдвигаться. – Витя с сожалением отставил чашку с чаем. – Иначе сегодня нам не поспеть ни о чем.

– Ну, приедем туда, а там пробка. Будем стоять в хвосте – хорошо, если часа два, а по снегу и вообще неизвестно сколько. Потом в потемках ехать почти двести километров – хорошо, если снег прекратится. А если нет? – Петя вопросительно глянул на шефа. – А к завтраму хотя бы пробки не будет, да и посветлу ехать всяко лучше, чем в темноте.

Матвеев хмурился, хоть и понимал, что охранник прав – только уж очень не хотелось ему оставаться на ночь в этом захолустье. Но делать, похоже, нечего.

– Ты прав. Сейчас вот поедим, и закажи номера, заночуем здесь. – Матвеев снова налил себе сока из кувшина. – Узнай, где можно на ночь устроить машину, и принеси мою сумку. Спешить некуда, экстрим нам ни к чему.

Витя благодарно смотрит на шефа – ну разве не умный он мужик? Другой бы при таких деньгах в грош бы не ставил мнение какого-то охранника, а этот умеет признать чужую правоту. Перспектива продираться сквозь ночь и метель не греет, но теперь об этом можно не беспокоиться. Надо Анжелке позвонить, но это не к спеху... Витя подвигает к себе чашку и наливает подостывшего чая.

– Как там дети, Витя?

– Спасибо, Максим Николаевич, здоровы, слава богу.

– Новый год скоро. Детвора любит этот праздник.

– А кто ж не любит! – Витя улыбается, приглаживая светлый чуб, упавший на лоб. – Я вот тоже люблю, с детства еще. Мать меня одна растила, а, однако ж, елка всегда была у нас до самого потолка, и подарки не хуже, чем у других, и на столе тоже... Сейчас думаю – как она умудрялась?

– Мать есть мать. – Матвеев отставил стакан. – Нет такой вещи, которую она не сделает для ребенка. Если она настоящая мать.

Петя, допив чай, поднялся и вышел – Матвеев, задумавшись, едва это заметил. А ведь, пожалуй, интересное решение – вот так вглубь построить дом, да если парковка подземная, то...

– Номера заказаны, Максим Николаевич. Идемте, провожу, а потом мы машину отгоним и вещи принесем. – Петины глаза довольно блестят. – Тут, оказывается, стоянка есть гостиничная.

Матвеев поднимается и бредет следом за охранником. Номера рядом – один для него, второй для водителя и охранника. Петя знает, что шеф не любит излишеств, а потому не стал заказывать люкс. Обычный номер с удобной кроватью и чистой ванной, большего и не требуется. Не то чтоб Матвеев был аскетом, но искренне не понимал, зачем ему в номере спутниковое телевидение, которое он не смотрит, мебель красного дерева и золотой, к примеру, унитаз.

– Ну, раз все так устроилось, то я, пожалуй, поработаю. – Матвеев смотрит в быстро темнеющее окно, за которым сплошная стена снега. – Ты взгляни, что делается...

– Сейчас мы вещи принесем, Максим Николаевич. – Петя осматривает номер. – А вы уж, будьте добреньки, отсюда никуда, а то мало ли что.

Матвеев саркастически хмыкнул. Весь этот марлезонский балет с охраной придумал Сашка Панфилов – его компаньон, давний институтский друг и первый министр, так его называла когда-то Томка. Панфилов занимался в их фирме всеми решительно вопросами, кроме собственно архитектуры – и хотя у него где-то пылился точно такой же диплом, как и у самого Матвеева, среди множества разнообразных талантов Панфилова не значились только два: он совершенно не умел танцевать и категорически не умел проектировать здания сложнее сарая. Зато во всех остальных вопросах Матвеев целиком на него полагался. Панфилов нанимал персонал, вел переговоры с клиентами, вникал в офисные разборки, казнил и миловал, и вообще следил, чтоб все колесики их сложного делового механизма вертелись четко, без сбоев и авралов. Он умел меняться, как хамелеон, если это было зачем-то нужно, но всегда и во всем чувствовалась его твердая рука. Без Панфилова фирма не стала бы тем, чем есть сейчас, – но без Матвеева фирмы не было бы вообще. Потому что это его талант обеспечивал массу клиентов, а четкое, порой и жесткое руководство Панфилова – деловую репутацию. У них не случалось накладок, нестыковок, неточностей – все расчеты были точны, все работы производились в срок, и то, что строилось по проектам, разработанным Матвеевым и его сотрудниками, было качественным, удобным и прочным.

– Вот, Максим Николаевич, ваша сумка. – Петя где-то уже успел оставить дубленку, но на ботинках еще не истаял снег. – Светопреставление там, не иначе! Метель, в двух шагах потеряешься. Машину поставили, тут подземная стоянка, представляете?

– А где ж ей быть? Здание вытянуто от фасада, понятно, что только подземная стоянка и может тут быть, иного места для нее не найти. – Матвеев подмигнул Пете. – Часов в восемь пойдем ужинать, напомнишь мне.

Сам Матвеев вполне мог и забыть об ужине. Достав из походной сумки ноутбук, он включил его и облегченно вздохнул – интернет наличествовал. Что ж, не все так плохо. А главное, никто не мешает.

Словно в ответ на его мысли зазвонил телефон.

– Макс, ты где? – Панфилов в далеком Питере сидит в кабинете, зная не зная, какая снежная буря стучит в окна его другу и партнеру. Матвеев улыбнулся, представив себе Панфилова – тощего, как жердь, в сером безупречном костюме и дорогих туфлях. – Что там у вас, доехали?

– Привет, Сань. Нет, тут на дороге авария случилась, ее перекрыли – мы заночуем в гостинице, тем более что метель – не поверишь, давно такую не видел.

– Это где ж у нас в ноябре взялся снег? – Панфилов смеется. – Поспеешь к завтраму или перезвонить и отодвинуть встречу?

– Вот завтра и скажу. Как погода позволит. Мне тут мыслишка одна пришла... обсчитаю и пришлю тебе, проверишь почту.

– Ну, тогда мешать не буду. – Панфилов вздохнул. – Помнишь, как мы Новый год на островах встречали?

– Не напоминай, до сих пор вкус этого их бананового пойла во рту. Сань, расчеты, что я пришлю тебе, могут показаться им очень смелыми. Эти ребята раньше с нами не работали, и тут вдруг такая срочность – в три дня все решили и встречу назначили, тоже срочную. Где ты их взял только, торопыг таких?

– Да сами пришли. – Панфилов посопел в трубку, помолчал, что-то обдумывая. – Они как раз за срочность все по двойному тарифу оплатить согласились. А что не так?

– Да все как-то не так, Саш. И чем дольше я вникаю в их проект, тем больше убеждаюсь, что нам с ними встречаться рано. Три дня – не срок, что я успел...

– Ну, вот же сутки у тебя остались – поработаешь. Они хотят встретиться и посмотреть, что ты им можешь предложить, а у тебя уже есть что предложить.

– А ты их видел? Ну, кого-нибудь из них?

– Нет, но предоплату они внесли и не пикнули, а это значит, что нужда у них вышла крайняя. Так что на Новый год снова можем поехать на острова, банановую шипучку потреблять.

– Только не надо меня пугать, я пуганый.

Панфилов громко захохотал и отключился, Матвеев отложил трубку, все еще улыбаясь, взглянул на окно. Да, дела... Первобытная метель словно решила засыпать этот городишко окончательно, и Матвееву вдруг представилось, как разноцветные коты, сбившись в кучу, греют друг друга и прячутся в берлогах, как медведи. Но, конечно, это не так – скорее всего, они разбрелись по домам и спят, свернувшись уютными калачиками кто где.

Матвеев снова взялся за телефон.

– Димка, ты как?

– Привет, пап! – Звонкий голос сына порадовал его невероятно. – Нормально. Уроки выучил, сейчас вот англичанка придет... Пап, ты домой когда планируешь?

– Не знаю, Дим. Застряли мы тут – на дороге фуры, понимаешь, не разъехались, да еще снег повалил – не поверишь, стеной! Мы в гостинице, в городке Красный Маяк. Можешь на карте найти.

– Пап, какая карта, есть интернет. Так, Красный Маяк... ого, двести километров от Питера, стекольный завод там у них и кошачья столица. Знаешь, что у них есть музей кошек? Фигурки всякие, картинки... я, пожалуй что, просмотрю. Ты кошек видел?

– Во множестве!

– Там легенда есть местная о кошачьей мести, и горожане кошек очень уважают. Взять, что ли, и нам котенка? Как думаешь?

– Да мне-то... Возьмем, если хочешь.

– Так ты домой когда, пап?

– Может, через пару дней. Как вы с Анной Петровной, ладите?

– Да что мне с ней ладить... Ладно, пап, англичанка пришла, потом созвонимся.

Матвеев вздохнул и отложил телефон. Димка очень быстро вырос, и он разговаривает с ним как со взрослым. Матвеев понимает, что неправильно это, но что тут поделаешь? Вырос без матери, на руках у многочисленных гувернанток, репетиторш и прочих нанятых людей, и хотя Матвеев старается проводить с сыном все свободное время, но много ли его, времени-то? Мать нужна ребенку, а Томка... она улетела с космолетом устраивать правильную жизнь на другой планете. Дело нужное, конечно, а только без нее им никак... скоро пять лет уже никак.

Он открыл программу и погрузился в работу. Самое логичное и упорядоченное дело в мире – строительство дома. Балки, стены, арматура, фундамент – то, что делает строение прочным. А окна, крыша, общий замысел и его воплощение – то, что делает дом собственно домом. Прошли времена безумных башен на коробках казарменного типа. Сейчас можно проектировать и легкие венецианские окна, и мезонин с колоннами, и... да многое можно, если есть деньги и доверие к архитектору. Матвееву достаточно самому взглянуть на место, где планируется стройка, на людей, которые станут жить в доме, – и он видит именно их дом, в котором им будет хорошо растить детей, радоваться, куда они станут приезжать после работы или путешествий. Дом, по которому они будут скучать. И он будет ждать их – словно всегда стоял в том самом месте, был невидимым, а Матвеев просто каким-то образом сделал его видимым и осязаемым. Линии, расчеты, ошибиться нельзя ни в чем, иначе дома не получится, и он будет торчать, как больной зуб, лишний и раздражающий.

– Максим Николаевич, вы насчет ужина просили...

Он оглянулся – Петя топчется у порога, понимая, что помешал шефу, – но приказано было...

– Петя, вы там закажите себе чего хотите, и мне что-нибудь... но пусть сюда принесут.

– Да что ж вам заказать? Кухня здесь приличная. Сырников, может? На ночь чтоб не тяжело.

– Да хоть и сырников. И какао пусть принесут, если есть, большой кувшин. Ну и печенья там... в общем, пусть сюда подадут, некогда мне.

Петя, вздохнув, прикрыл за собой дверь. Вот всегда так с шефом. Нет чтоб как все люди – посидеть в ресторане, заказать что-то особенное, расслабиться... А он сидит в номере, что-то снова считает, пишет, ходит по комнате, бормочет про себя, исправляет – такому хоть ты омаров подай, хоть тюрю, съест и не заметит. Никакой солидности. Петя по-доброму улыбается – ни за какие коврижки не пошел бы он в другое место работать, чтоб помыкал им избалованный, заевшийся богатей. А Матвеев хоть и шеф, но человек понятный, простой и необременительный: не пьянствует, не склонен к приключениям, не связывается с непотребными девками, нет у него скрытых или явных пороков, уберечь от последствий которых самый лучший охранник не в силах, ни самодурства нет, ни упертости господской. Понимает, что он, Петя, на службе состоит и ему в некоторых случаях виднее, как надо поступить. В общем, не работа, а мечта.

– Ну, где наш-то, скоро? – Витя совсем извелся, ожидая. – Есть охота.

– Велел заказывать, чего душа просит, а ему в номер подать. Так что ты давай, заказывай, и на меня тоже не забудь, а когда для шефа будет готов ужин, я провожу официанта до номера.

– Так и знал. Давай, что ли, и мы в номере поедим? Футбол посмотрим, пивка попьем.

– И то.

Матвеев почти и не заметил возни официанта, звона расставляемой посуды – на него снизошло вдохновение, и он, ухватив мысль за хвост, уже знал – задачу он решил и завтра

покажет заказчикам готовое решение, а это существенно сократит время строительства. Пусть знают, что не зря они заплатили по грабительскому счету Панфилова, а то, что счет грабительский, Матвеев не сомневался – уж больно доволен Сашка. Так доволен он бывает, только когда удается срубить с клиента денег по максимуму. Панфилов никогда не зарывается, никогда не отнимает последнего – но если он видит, что клиент в состоянии заплатить, тут уж он не стесняется. Впрочем, чего стесняться – людям нужно зарплату платить и прочее. Бесплатно только одуванчики цветут.

– Максим Николаевич, вы бы поели.

Петя знает уже, что у шефа, как он сам выразался, пошла волна – но волна волной, а человек должен есть, и еда, опять же, остынет, если не оторвать шефа от его расчетов. Плавали, знаем, – так и простоит еда до утра нетронутой, а потому нужно напомнить, что ужин подан и его надо съесть.

– Что ты говоришь, Петя?

– Покушайте, а то ведь голодное брюхо к учению глухо.

– Хитрец. Вывернул наоборот поговорку-то: сытое брюхо к учению глухо. – Матвеев отложил чертежи. – Что ж, и правда поем. Пахнет неплохо. А ты-то что же?

– Нам тоже в номер принесут, чего там в ресторане рассиживаться. – Петя хмыкнул, всем своим видом выражая презрение к такому времяпрепровождению. – Вы, пожалуй, до утра сидеть будете, так хоть поешьте по-людски, а то знаю я...

– Не ворчи. Иди отдыхай, я никуда не собираюсь выходить. Работы невпроворот.

– А метель-то не затихает.

– Да, разгулялась, хорошо, что здесь остались. Ступай, Петя, будет нужно – позову.

Вздыхнув, охранник выходит. Его, конечно, гложет мысль о том, что он нарушает инструкции и не находится с «объектом» постоянно, но, с другой стороны, никто отродясь не покушался на шефа. Человек он мирный, опять же не склонный искать неприятностей на свою задницу. К тому же, раз сказал, что будет работать, значит, будет, не первый день они вместе ездят, чтоб не изучить привычки «объекта» до мелочи.

Петя заходит в номер, куда уже подали ужин. Похоже, сегодня можно будет и поспать – в такую метель ни один человек в здравом уме не сунется наружу.

* * *

В соседнем с ними номере человек достал из сумки детали и тихо, неспешно, начал собирать винтовку. Он никогда не откладывал важные дела на последний момент, а что в жизни важнее работы?

И обстоятельства сложились так, что он эту работу выполнит уже завтра, а это значит – двойная оплата и еще один плюс к репутации. Он тихо насвистывал, собирая оружие, детали мягко позвякивали, соединяясь в нечто прекрасное и совершенное. Он любил этот момент – когда из кучи железок возникает изящное смертоносное творение. Он любил свою винтовку – всякий раз это была одна и та же модель, и другой ему не надо.

Эта винтовка была особенной, и человек с сожалением подумал о том, что ее придется оставить. С другой стороны, не так часто такое оружие может пригодиться, но случится срочность – пойдй найди такую.

Оптический прицел подсоединяется последним. Человек удовлетворенно хмыкнул и любовно погладил оружие. Из всех открытий человечества он считал самыми великими изобретениями порох и одноразовые подгузники для детей.

3

Утро выдалось светлое и блестящее, в прямом смысле слова – совсем как у Пушкина: «Под голубыми небесами великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит...» Но тогда, передвигаясь на санях, граждане могли радоваться снегу (хотя лошади наверняка их восторгов не разделяли), а сегодня, когда нужно пробираться сквозь сугробы на машине, и машина эта – не грузовик и не танк, такая картина не вызывает восторгов.

– Смотри, Буч, мы застряли. – Ника посадила котенка на подоконник. – Видал, сколько насыпало? А ведь нам надо домой...

Котенок безразлично взглянул в окно и принялся карабкаться по рукаву ее халата, цепляясь коготками. Взобравшись Нике на плечо, он устроился ближе к шее и затих. Видимо, ему нужен тактильный контакт, так он ощущает себя в безопасности или же просто показывает свое превосходство над окружающими – кто знает, о чем думает кот. Даже если он совсем маленький.

Имя пришло как-то само собой – Ника рассудила, что котенок вырастет, станет взрослым котом, и называть его Маша будет смешно, унизительно и политически неправильно. Коту нужно настоящее имя, мужское и веское, – ведь он хищник, как ни крути. Ей отчего-то вспомнился Брюс Уиллис в «Криминальном чтиве» – непотопляемый Буч, вышедший сухим из воды, и она решила, что коту такое имя в самый раз.

Раздался звонок по гостиничному телефону – кто-то спрашивал, будет ли она завтракать и не принести ли ей еду в номер. Ника решила, что это отличная идея – поесть в номере, учитывая ее вечную лень по утрам.

Зазвонил сотовый – неугомонный Марк осуществлял контроль на линии.

– Мам, ты уже проснулась?

– Ага. Ты поел?

– Безусловно. – Марек всегда использовал ее словечки, и Ника мысленно улыбнулась – это всецело ее ребенок. – Сварил себе спагетти с соусом болоньез – очень вкусно. Ты сегодня домой? У нас снега навалило, я в школу не пойду. Позвони классной, скажи, что я заболел или что-то еще.

– Да ну тебя... Записку напишу или Лариса справку даст. Вот если она сама мне позвонит, тогда скажу. Сиди дома, ешь там что-нибудь.

– Мам, в твоём понимании мое сидение дома отчего-то всегда соотносится с откормом. Как котэ?

– Умен, благороден и весьма прекрасен, вы поладите. Ладно, буду собираться.

– Осторожно на дороге.

Ника отложила телефон и потянулась, котенок беспокойно заворочался на плече, крепче вцепившись коготками.

– Слыхал, как я тебя восхваляла?

За окном проехал трактор, сгребая снег, – все-таки снегоуборочные машины вышли на свой промысел. Обрадовавшись, Ника решила, что за пару часов они расчистят дорогу, и это ее полностью устраивало. А пока можно постоять под душем, это приятно.

– Посиди пока здесь.

Ссадив Буча на крышку корзины с полотенцами, Ника быстро разделась и встала под душ. Ночью ей снился странный сон – словно она пытается достать из воды тонущего пса, большого, коричневого, тяжелого, и вода обжигающе холодная, и собачьи глаза, умоляющие и преданные, смотрят на нее, и она тянет, тянет его – и вода отпустила добычу, и потом они вдвоем лежали на льду, но знали, что теперь все будет хорошо. Ника проснулась от холода, но

оказалось, что это просто одеяло сползло, она зажгла ночник, надела халат и снова укуталась, а котенок мирно спал на соседней подушке. Его, видимо, не тревожили никакие сны.

И теперь в ожидании заказанного завтрака Ника снова забралась под одеяло и смотрела за окно. Было тихо, уютно, Буч снова уснул, а ей вдруг очень захотелось домой, к своему ребенку, чтоб вместе с ним смотреть в окно, или он будет играть в какую-нибудь игру на компьютере, а она станет подсовывать ему еду или тоже нырнет в интернет, и в доме будет тихо, светло, ощущение покоя и счастья заполнит ее мир. И ничто не нарушит его...

Разве что заявится Женька... Но ведь ей можно и не открывать. Мысль эта весьма позабавила Нику, она представила, как сестра будет звонить, стучать, может быть, даже покричит – хотя это вряд ли, она всегда поступает «как люди», орать она не станет. Скорее всего, придет в клуб и примется зудеть. А там Лерка, ага.

Лерка ненавидит Женьку такой чистой ненавистью, какая случается очень редко. Бог знает, отчего – они редко сталкиваются, но у Лерки есть манера обожать или ненавидеть кого-то с первой секунды знакомства. Так уж она устроена.

– Вот Алексей Петрович ей бы точно понравился. – Ника говорит это коту, а он лениво смотрит на нее. – Да, Марек прав, пора заканчивать этот марлезонский балет с семейной идиллией. Они не принимают меня – значит, так тому и быть. Я всегда была недостаточно хороша для них. Слишком много «не» – я не так выгляжу, не так разговариваю, не так живу, не... В общем, мне пора сказать родственничкам, что все эти «не» останутся со мной, а они – нет.

Позавтракав, Ника принялась собирать вещи. Уложить все аккуратно никогда ей не удалось. Вот у Марека все всегда получается красиво, и у мамы тоже, а у нее кавардак в ящиках, вещи никак не укладываются красиво – ну да бог с ними, главное, ничего не забыть. Правда, теперь у нее вместо одной сумки две – в другой кошачьи принадлежности.

– Идем, Буч, нам пора домой. Поедем потихоньку – авось вырлим.

Она вышла из номера, держа в руках сумки, котенок крепко уселся на ее плечо, и было похоже, что его все устраивает.

– Имей в виду, Буч, там холодно. Знаешь, что такое холод? Это такая гадкая штука, когда у тебя внутри вся кровь замерзает к чертям, все кишки сворачиваются в узел, а кожа на лице болит, а когда ты приходишь домой, то из носа начинает течь кровь. Но это худший вариант, я спущусь на парковку через внутреннюю лестницу, и нам холодно не будет, а в машине включим печку, и...

Кто-то, вышедший раньше, сбил в гармошку ковровую дорожку под ногами, и Ника, оступившись, взмахнула руками и въехала сумкой в бок какому-то мужчине, вышедшему из своего номера, рядом с которым его ждали двое парней.

– Блин!.. Ой, извините!

– Ничего. Витя, помоги даме с сумками.

– Нет, что вы, я...

– Ничего страшного. Ваша машина здесь на парковке, я видел. – Витя, взяв из рук смущенной донельзы Ники сумки, приветливо кивнул ей. – Я вчера видел, у вас «Хонда» голубая, седан. Ишь, котенок уселся – а я-то думаю, с кем это вы разговариваете, оказывается, с ним!

– Да, так вышло, что...

Матвеев узнал вчерашнюю блондинку в джинсах, обтягивающих отнюдь не худенькие бедра. На ней был старенький норковый полушубок, а на плече, как попугай капитана Сильвера, восседал серый дымчатый котенок, полосатый и мордатенький, с маленькими закругленными ушами. Котенок выглядел абсолютно довольным своим положением, и Матвеев отчего-то подумал, что они с этой блондинкой – два сапога пара, оба спокойные и уместные в любой ситуации.

– Я видел, дороги чистили. – Матвеев улыбнулся котенку. – Должны проехать.

– Я специально подождала пару часов, когда трактор увидела, – думаю, к этому времени они расчистят выезд к шоссе, а там уже все разъездили давно.

– Надеюсь, что так.

У блондинки были очень синие глаза и звонкий девчоночий голос. Матвеев вдруг подумал, что, возможно, теннис и прочее не так важны, можно ведь и другим чем-нибудь заняться, если что.

Спустившись в гараж, он наблюдал, как Витя аккуратно поставил сумки новой знакомой в багажник, что-то сказав ей, – и она засмеялась, и смех ее, веселый и искренний, раскатился звонким эхом под сводами парковки.

– Задорная дамочка. – Витя, все еще улыбаясь, завел двигатель. – Котенок на плече... есть же такие люди на свете. Живут себе в свое удовольствие и не парятся из-за мелочей.

Матвеев вздохнул. После Томки он не заводил ни с кем серьезных отношений и никого не впускал в свою жизнь – были дети, был их общий дом, их жизнь, раз и навсегда налаженная Томкой, и привести в нее чужую женщину казалось невыносимым.

Ника прогрела двигатель и осторожно развернулась. Внедорожник ее новых знакомых уже выехал наружу, и она подумала, что уж они-то проедут по снегу, мощная машина, выберется. А она по их колее тоже, глядишь, вырвется.

– Слезай с моей шеи, захребетник. – Ника сняла Буча с насиженного места и усадила на пассажирское сиденье. – Пристегнуться не предлагаю, но там тебе будет лучше. Мне нельзя отвлекаться.

Котенок деловито прошелся туда-сюда по сиденью, заглянул на пол и решил, видимо, что на полу не так интересно.

– Ишь, насыпало... Ничего, прорвемся. Вот сейчас печка заработает на полную мощь, я тебе подогрев сиденья включила, так что спи.

Буч сел уточкой и вопросительно посмотрел на Нику. Она вырвется на дорогу, расчищенную утром, и повела машину через площадь. Снова зазвонил телефон.

– Ника, вы уже выехали? – Это был Алексей Петрович, и она отчего-то обрадовалась. – У меня по утрам обычно селекторное совещание, а совсем уж рано я вас побеспокоить не решился.

– Да, Алексей Петрович, выезжаю из гаража. – Ника повернула на шоссе, ведущее из города, и враз зажмурилась от солнца, ударившего прямо в глаза. – Расчистили дорогу, надеюсь, и до трассы будет не хуже.

– Расчистили, я распорядился, это наши снегоочистители работали. – Алексей Петрович явно не хотел прерывать разговор. – Ника, я на днях буду в вашем городе по делам, очень хотелось бы посмотреть на ваш клуб.

– Ой, конечно, буду рада! Вы, как освободитесь, звоните мне, пересечемся и поедем туда.

– Договорились.частливого пути, и осторожно на дороге.

Ника положила трубку рядом с котенком, потом, подумав, переместила ее в карман – вдруг Буч уснет, а труба зазвонит, испугает его... Дорога была расчищена хорошо, но Ника не торопилась – весь день впереди, Марек дома, значит, все в порядке. А учитывая удачную поездку, и вовсе прекрасно.

Снова зазвонил телефон. Ника вздохнула и свернула на обочину. Ей не надо смотреть, кто звонит – для этого абонента у нее выставлена специальная музыка.

– Привет, мам.

– Здравствуй, дорогая.

Ника улыбнулась. Она любила мать и радовалась ее звонкам – не всегда, конечно, но, когда та не воспитывала ее, с ней можно было поболтать.

– Ты где? А то я Мареку звоню, а он говорит: командировка...

– Мам, я уже домой еду. Была в Красном Маяке на стекольном заводе, кое-что заказывала для клуба.

– Понятно... Никуша, ты едешь или остановилась?

– Остановилась. Ты же звонишь.

– Хорошо. Скажи, пожалуйста, что у вас с Евгенией происходит?

– Мам, ну ради бога! Ты звонишь, чтобы спросить, что у меня с Женькой?

– Да. Меня беспокоит, что вы вроде не ладите...

– Мама, мы всю жизнь не ладим.

– Просто она звонит тебе, но не может дозвониться, Марек тоже трубку не берет, а вчера она к вам приходила, но ей не открыли...

– Мам, меня вчера не было дома. Звонков от нее тоже не было. То, что Марк не хочет с ней разговаривать, – это его право, и зачем ей приходиться в мое отсутствие?

– Она просто хотела...

– Мам, давай не будем об этом. – Ника вздохнула. – Черт, снова рука болит...

– Ты сломала ее когда-то.

– Да, ты говорила. Мам, я тебя очень прошу. Ты как-нибудь объясни Женьке, что я не хочу видеть ее, если она и дальше будет продолжать разговоры о моей якобы несостоятельности и маргинальных наклонностях.

– Ника...

– Мам, я очень тебя люблю. Но вам всем или придется наконец принять меня такой, какая я есть, или сделать вид, что мы незнакомы. Я не стану моложе, худее, утонченнее, и бог знает, какой я еще не стану. Но тебе скажу: я буду жить так, как я жила и живу, меня это устраивает, а если Женьку не устраивает – пусть она идет лесом вместе с теми, кому это тоже не нравится.

– Ника, я тебе желаю добра!

– Мам, не надо мне желать добра, у меня в жизни все прекрасно, и я не понимаю, зачем вы все время пытаетесь убедить меня в обратном.

– Ника, ты просто не понимаешь, а мы пытаемся донести до тебя...

– Не надо доносить, выплесните это по дороге. Мам, я всю жизнь делаю одну простую вещь: стараюсь жить в свое удовольствие. Я не хочу быть замужем просто ради статуса – мне это не нужно. Я не хочу работать в каком-то офисе с восьми до пяти каждый день – я умру от этого через неделю или вскрою себе вены. Я не хочу худеть – я вообще не понимаю, зачем это нужно. Я не хочу менять гардероб, стиль общения, прическу и что там еще мне надо, по-вашему, менять – мне нравится то, что есть. Мама, много ли ты видела на свете людей, довольных своей жизнью? Так вот я – довольна.

– Ника, но нужно же как-то расти, совершенствоваться!

– Если это означает наступать себе на горло, то я не понимаю, зачем мне такой рост. Мам, смотри на меня как на свой неудавшийся проект и смирись. Я все равно тебя люблю. Все, я поехала, а то у меня тут кот в машине, и я...

– Кот?! Ника, какой кот?

– Маленький такой, серый в полоску, он на меня на стекольном заводе охотился, напал и добыл, как и полагается хищнику. Теперь я его добыча, и он тащит меня в свое логово. В машине, с удобствами, – он любит комфорт. Кот как кот, размером с мой кулак, но он вырастет – кот, а не кулак. Зовут Буч. Кота, а не...

– Ника, прекрати паясничать!

– Мам, да почему? Ну, скажи ты мне, кому от этого плохо, что я живу как знаю, стебаюсь над кем хочу и когда хочу, и вчера меня приобрел кот? Ты умная женщина, просто подумай над этим, выйди за рамки, в которые ты сама себя втиснула, и подумай: кому стало хуже от того, что я такая, какая есть? Видит бог, я не хотела этого разговора, тем более вот так, по телефону, но вышло как вышло, ничего не поделаешь.

– Ника...

– Все, мам, мне ехать надо, дорогу замело совсем. Давай вечером созвонимся. Женьке передай, пусть не приходит, Марек очень зол на нее.

Отключив трубку, Ника сунула ее в карман полушубка и выругалась. Мама всегда на Женькиной стороне, хотя, конечно, Ника знает точно, что мама ее любит, и Марека любит, но когда дело доходит до сестры – все, стена. Женька моложе Ники на четыре года. Ника помнит, как мама принесла ее из роддома и отец носил этот पिщащий кулек по комнатам, и... Впрочем, неважно. Женька не стала ей ни сестрой, ни другом. Она стала камнем преткновения между ней и родителями, и Ника никогда не понимала, почему, – но сейчас вдруг осознала, что это уже неважно. У нее своя семья, и она любит Марека просто так, за него самого.

При выезде на шоссе Ника притормозила и огляделась. Трассу уже укатали грузовики и фуры, но сейчас автомобилей не видно – легковушки не решились двинуться в путь после такой бури столетия, а тяжелые машины уже проехали.

– Тем лучше для нас. – Ника повернула руль и выехала на шоссе. – Скользко, блин... Буч, ты должен знать обо мне одну вещь. Я иногда ругаюсь плохими словами. В общем, привыкай.

Ника выровняла машину и сбавила скорость. Некуда торопиться, главное теперь – доехать до Александровска, а там уж если и застрянет, то найдется кому ее вытащить. Ника взглянула на котенка – он щурился на свет, но упорно сидел уточкой, как совсем взрослый кот. Ника не удержалась и тронула пальцем его голову, и он вопросительно посмотрел на нее.

– Ничего, это я так. – Ника краем глаза все-таки косилась на пушистую серую «уточку». – Вот погоди, приедем домой, а там Марек тебе...

Впереди показался мост – здесь начинался тот приснопамятный поворот... хотя если ехать из Александровска, то здесь он заканчивался. Под мостом летом плескался глубокий пруд, Ника знала, что рыли его из расчета семь-десять метров глубины, причем глубина началась от самого берега. Пруд устроили на месте широкого оврага, полного холодных ключей, от него отвели канал, впадающий еще куда-то там, а над ним построили широкий, четырехполосный, надежный мост с ограждением. Ника с Марком иногда ездили сюда купаться и ловить рыбу, летом здесь было прекрасно, а зимой пруд покрывался льдом и снегом, как и полагается. Сейчас тоже было так – с одним отличием: ограждение было проломлено, а метрах в четырех от берега темнела полынья.

Ника остановилась, потом сдала назад и съехала на боковую дорогу – вернее, на то место, где она должна быть. Оставив машину на обочине и не глуша двигатель, Ника сбросила полушубок на переднее сиденье и по снегу побежала к пруду. Она думала только об одном: успеть, может, там еще кто-то живой остался! Хотя понимала, что это вряд ли, очень уж холодно, и мост высокий, удар опять же... Она упала на тонкий лед и поползла к полынье. Вода обожгла руки, крыша машины находилась над уровнем воды – машина стояла косо, капотом в сторону от берега, и в любой момент могла поползти по уклону на глубину, и тогда уже никто не спасет тех, кто внутри. Ника знала этот покатый берег, они с Марком здесь летом ныряли с аквалангами не раз. И она понимала, что времени нет, а потому постучала в верхний люк:

– Эй! Есть кто живой?!

Вода холодная и какая-то хищная, лед трещал под ней, но Ника продолжала барабанить кулаком по крыше машины, иначе никак, ей нечем открыть люк и разбить нечем.

В ответ на ее стук что-то толкнуло люк изнутри. Ника обрадовалась и вцепилась в край люка, отделившийся совсем немного:

– Давай же, толкай, матьтвоючерезколено! – Ника тянет рывками на себя обжигающе холодный люк, и он поддается, и вода начинает литься в салон – не сильно, но не надо бы и этого, машина стоит очень неустойчиво, и если сдвинется и покатится на глубину – все...

– Эй, давай, выбирайся, я тебе руку подам!

Из люка показалась окровавленная голова – кто-то толкал из салона парня с разбитой головой, и Ника ухватила его за шиворот и потянула. Куртка его трещала, и вода в проем лилась, но вот он уже с ней рядом, и Ника, схватив за шиворот, тащит его к берегу.

– Лежи тут. – Ника устроила парня на снегу и поползла назад. – Вот же ж блин... только я могла во все это вляпаться!

Мысль о том, что пассажиры затонувшей машины вляпались гораздо серьезнее, ее не утешала.

– Эй, давай руку!

Из машины снова показывается чья-то голова, лицо в крови, и Ника снова тянет бесчувственное тело, и это тяжело, и только мысль о том, что машина сейчас покатится вниз, подстегивает ее.

– Вот сейчас, лежи тут...

Что-то ухнуло в глубине, крыша с открытым люком исчезла в полынье, забурлила вода. Ника в отчаянии охнула и заломила руки – машина все-таки покатила по склону вниз, и с ней – тот, кто был там, внутри, кто подавал ей этих парней – живой, дышащий...

Из воды выглянула голова. Ника упала на снег и поползла – не чувствуя холода, боли в порезанных о лед руках, она ползла к человеку и в последний момент ухватила тонущего за запястье.

– Давай же, помоги мне, мать твою, я слабая женщина, я не вытащу тебя так! Помоги мне, не помирай, ты, сукин сын, слышишь меня? Не вздумай отбросить коньки, иначе мало тебе не покажется! Смотри на меня, смотри на меня, слышишь? Смотри и тянись!

Она чувствует, как трещит под ними тонкий лед, и понимает, что если сейчас она тоже окажется в воде, то парням на берегу придет конец, и Буч в машине, и Марек – дома... В общем, умирать ей сейчас никак нельзя, и она тащит тонущего из воды, и он, глядя ей в лицо синими, как лед, глазами, тянется ей навстречу. Ника тащит его за мокрую куртку, и он наконец весь оказывается на льду, и берег – вот он.

– Поднимайся, я не донесу тебя!

Он пытается встать на ноги, и у него получается, Ника сдирает с него вымокшую куртку и тащит к машине. Он как-то идет, но больше просто виснет на ней, и Ника думает о том, что если сейчас он влезет в теплую машину с работающей печкой, тут ему и конец придет.

– Давай, снимай одежду!

Он непонимающе смотрит на нее, а Ника дергает его ремень, тащит за пуловер, обледеневшая ткань трещит и упирается, но она стягивает со спасенного все до нитки и растирает его снегом.

– А то сейчас сядешь в натопленную машину и глюкнешь.

Открыв дверцу, она немного охлаждает салон и толкает мужика внутрь.

– Сиди, грейся, у меня тут кот, смотри не придави!

Достав из багажника спортивный костюм Марека и клетчатый походный плед, она бросила все в салон.

– Надень, а то голый не согреешься.

По уже протоптанной колее идти легче. Ника ухватила под руки парня, которого ей подали первым, – светлые волосы слиплись от крови и заледенели, но он дышит, и Ника волоком тянет его в машину.

– Открой дверцу! Эй, ты меня слышишь? Открой гребаную дверцу, мать твою, и подвинься! – кричит она сидящему в «Хонде».

Его руки плохо слушаются, но он смог открыть дверцу и даже помочь Нике втащить в салон второго парня.

– Сидите, там еще один. Осторожно, у меня тут кот!

– Я вижу...

Буч сидит на спинке пассажирского сиденья и с интересом наблюдает за происходящим. Ника захлопнула дверцу и побежала обратно. Парень, который остался, уже открыл глаза и пытается встать. Его лицо разбито, но глаза смотрят осмысленно, и он пытается что-то сказать Нике, но ей не до разговоров.

– Поднимайся, я не утащу тебя! Вставай, если можешь, и перестань мычать и дергаться! Парень не может встать, его нога вывернута под странным углом.

– Вот черт подери, у тебя, похоже, перелом! Лежи смиренно, я потащу тебя! Да не брыкайся, ты, лишенец, все уже в машине, ты последний!

Дотащив его до «Хонды», Ника открыла пассажирскую дверь и, с трудом оторвав парня от земли, усадила его, потом переставила его ноги в салон. Вывернутая лодыжка скоро станет зверски болеть, Ника понимает это, а потому достает аптечку и колет парню противошоковый препарат и обезболивающее.

В салоне пахнет кровью, мокрой одеждой, чужими людьми и пережитым страхом. Ника достает из бардачка флягу с самодельным горлодером и бросает ее на колени мужику в костюме Марека, потому что вид у него как у ожившего покойника.

– Хлебни-ка.

Кровь из головы парня на заднем сиденье снова течет, и Ника выходит из машины, достает из багажника полотенце.

– Вот, голову ему оберни.

Минуту подумав, Ника достает из багажника лопату и веник и тщательно ровняет место происшествия – благо, снега навалило. Если не присматриваться, то и не видно, что здесь кто-то топтался. Потом, морщась от отвращения, подбирает обледеневшую одежду своего пассажира, которую впопыхах бросила в снег, и вместе с инвентарем кладет в багажник. Нырнув в салон, Ника укутывается в полушубок, жалея о том, что не может глотнуть из фляги и согреться.

– Все, поехали.

Буч уселся на ее плечо, Ника сдала назад и осторожно въехала на дорогу. Теперь главное – не перевернуться, груженная машина на такой трассе и тормозит дольше, и вообще едет по-другому. Им осталось пятьдесят километров, но надо их проехать, да и куда всю эту гвардию девать потом? Парни оба нуждаются в помощи, один в сознание так и не пришел.

– Лариса, привет. Знаешь, тут такое дело...

Ника очень не любит просить о чем-то именно Ларису, потому что та всегда занята, но в данный момент деваться некуда, парню с пробитой головой совсем плохо, а у этого, с переломом, сейчас пройдет адреналин, и ногу свою он очень почувствует.

– Куда вы нас везете? – Голос у мужика хриплый, и дышит он через раз.

– Я – Харон, перевожу упокоившихся граждан через Стикс. Не узнал? – Ника хмыкнула. – Правильно сделал. В больницу я вас везу, вот куда, парнишке твоему совсем плохо, а у этого нога сломана, к гадалке не ходи, сейчас отойдет маленько – и мы услышим, как ему больно.

– Но...

– Молчи и не мешай, я замерзла, устала, я постфактум в ужасе от мысли, что могла утонуть, а у меня ребенок и кот ценной породы, вот сидит, и запахи от вас мне не нравятся. Еще и дорога, блин, как каток, матьвашучереззаборпоперек, и...

– Ты всегда так ругаешься?

– А... ну да. Бывает, что ругаюсь.

Ника думает о том, что сейчас по трассе проехать будет достаточно сложно – она тащится за фурой, впереди еще несколько ползут со скоростью улиток, встреча забита. А парень с поврежденной головой, похоже, очень плох, да и этот, с переломом, уже стонет сквозь зубы от каждого толчка машины, а то ли еще будет!

Есть другая дорога – она объездная, узкая, через поля, и фуры по ней не ездят, но в каком она сейчас виде? А ведь если поехать по ней, то можно выскочить на городскую дорогу почти рядом с больницей.

– Ну, была ни была...

Ника сворачивает на объездную дорогу. Кто-то проехал здесь, и не раз, Ника обрадованно выжимает педаль газа – летом тут грунтовка, и ехать – себе дороже, но сейчас все ямы и колдобины занесло снегом, дорога ровная и укатанная, правда, если навстречу попадет машина, будет не разъехаться, и потому Ника торопится.

Каждая минута приближает ее к Александровску – ей надо домой, к своему ребенку, ей надо избавиться от чужих людей и вымыть машину. И просто нужно успокоиться, потому что там, на пруду, было очень страшно. Правда, страх отчего-то пришел сейчас, и это очень глупо с его стороны, потому что пруд остался далеко позади.

* * *

На повороте человек с винтовкой мерзнет в засаде. Фуры идут одна за одной, кое-где уже начали проскакивать легковушки – тянутся вслед за фурами, глотая выхлопы. Но той машины, что он ждет, нет. Чертова корова вывернулась накануне, подставив его напарника под полицейское разбирательство и кулаки дальнбойщиков, теперь же и вовсе куда-то подевалась, а ведь сейчас можно выполнить заказ в полном объеме – главное, дожидаться. Дорога здесь одна, и деться ей некуда.

Оживает телефон. Человек, чертыхнувшись, принимает вызов, минуту слушает, потом, досадливо сплюнув на снег, идет туда, где его ждет машина. Объект изменил маршрут – кто бы мог предвидеть? Но это случилось.

4

– Вечно ты попадаешь в истории.

Лариса строгая и отстраненная – это если ее не знать, но Ника-то знает, какая она добрая, как душой болеет за каждого своего пациента и какой она отличный врач, хотя это как раз знают все, потому телефон у нее звонит даже ночью. Лариса никому никогда не отказывает в помощи, не глядя на то, может человек заплатить или нет, для нее все больные одинаковы. И потому Ника привезла свой улов прямо к ней в больницу, где в приемном отделении их уже ждали.

– Ну, что я скажу. Легче всех отделался тот, кто сидел сзади, – я так понимаю, владелец машины. У него переохлаждение, но ничего серьезнее бронхита ему не светит, то, что ты его не сунула в натопленную машину как есть, а растерла снегом, ему очень помогло. Парнишка с ногой сейчас на операции, перелом лодыжки – дело непростое, но поставим спицы, полежит, попрыгает на костылях, и будет как новый месяца через четыре. Больше всех досталось водителю: при падении он ударился головой, перелом височной кости, его оперируют, прогноз пока неутешительный, но будем надеяться – Семеныч сам оперирует, никому не доверил. Ты-то как?

– Да ничего, даже не простыла, по-моему.

– Цыплят по осени считают. Забирай своего утопленника и езжай домой, вот этот порошок выпьешь сейчас, при мне, на ночь вы оба примете еще по одному, а завтра я позвоню.

– Ой, горько-то как!

– «Горько» на твоей свадьбе покричим, вот, запей водой. Все, езжай, некогда мне.

Ника, морщась, усаживается за руль, ее пассажир грузится на заднее сиденье. Он странно выглядит в спортивном костюме Марека, но Ника утешает себя мыслью, что еще более странно он выглядел бы вообще без одежды.

– Куда мы едем?

– Домой, конечно же. – Ника фыркнула. – Ко мне домой.

– Но...

– А куда бы вам хотелось – на венский бал? Вы не по форме одеты, гражданин, у вас бабочки нет. Сейчас приедем, пообедаем, чем бог послал, и тогда уж будем решать, что делать дальше.

Матвеев замолчал. Только уже сидя в «Хонде» с мягким спортивным костюмом на коленях, он узнал эту женщину – скорее не ее даже, а котенка, который внимательно смотрел на него, сидя на спинке пассажирского сиденья. Под его взглядом Матвеев натянул на себя штаны, оказавшиеся ему короткими, и олимпийку, которая не сходилась на нем, но это было все лучше, чем ничего. Он укутался в плед, и его начала бить крупная дрожь, которую он не мог никак унять, и когда звонкий голос крикнул: «Открой гребаную дверцу, мать твою, и подвинься!» – и он, едва владея затекшими пальцами, нащупал ручку и открыл дверь, чтобы принять в салон Виктора, он уже знал, кто его спасительница – давешняя блондинка с котенком на плече, пиратка в джинсах. А она побежала обратно, Матвеев понимал, что должен помочь ей, но тело его не слушалось, дрожь пробирала до самого нутра, такого с ним никогда еще не было. А когда на его колени упала тяжелая серебряная фляга и он дрожащими пальцами отвинтил крышку и глотнул обжигающий горлодер, дрожь наконец отступила и зрение прояснилось. И он смог обернуть голову Виктора полотенцем, которое подала ему блондинка, и с удивлением наблюдал, как она маскирует место происшествия при помощи веника и лопаты. Ее голубой свитер ярким пятном выделялся на белом снегу, волосы растрепались, лицо покраснело, глаза сердито блестели, и вся она сейчас походила на рассерженную воительницу из скандинавских саг, только вместо меча – лопата.

И вот она везет его к себе домой. Спорить Матвеев не стал, голова его соображала сейчас очень медленно, а хуже всего было то, что пропал его телефон, а надо бы позвонить Панфилову и Димке.

– Все, приехали, выгружаемся. Завернись в плед. Хорошо, что темно, соседи не увидят...

Они поднимаются на пятый этаж старого кирпичного дома, Ника рукой придерживает котенка, в другой у нее – сумка с лотком, кормушкой и прочим, что положено иметь коту. Матвеев с трудом поспевает за ней, понимая, что больше всего на свете ему сейчас хочется нырнуть в горячую ванну и согреться.

– Высоко забралась.

– Зато над головой никто не танцует. Пришла себе домой и отдыхаю, а не на соседей злюсь. Все, прибыли, подержи пакет, я ключи найду.

Щелкнул замок, пахнуло теплом и вкусными запахами. Матвеев вдруг ощутил такой голод, какого не знал со времен студенчества.

– Мам?!

Темные глаза высокого подростка встревожены и растерянны.

– Ни о чем меня не спрашивай, ОК? Вот котэ, зовут Буч. Займись им.

Ника чуть не заплакала, ощутив тепло своей квартиры. На плите кастрюля с фирменным Леркиным супом – значит, приходила. На столе в вазочке – ватрушки, тоже еще горячие, Лерка знает, как Марек любит такие ватрушки.

– Мам...

– Все вопросы потом.

– Одеть бы его во что-то надо.

Да, одеть... Ладно, надо Лерке позвонить, она что-нибудь придумает, безусловно.

– В ванную ступай. – Ника подтолкнула Матвеева к двери. – Вот соль, вот мочалка, гель для душа... в общем, разберешься. Давай, ныряй в ванну и полежи, согрейся, потом поедим.

Матвеев закрыл за собой дверь и огляделся. Голубой, сияющий чистотой кафель, голубая ванна и такая же раковина, старенькая стиральная машинка. Отметив про себя, что построено все по безумному проекту, Матвеев закрыл слив пробкой, всыпал соль и пустил воду.

– Ты там в горячее не сильно погружайся, а то глюкнешь еще.

Звонкий голос из-за двери вернул его в реальность, но мысли разбежались, как тараканы. Матвеев понимал, что с ним что-то не то происходит, никогда ничего подобного с ним не случилось, но собрать в кучу мысли он не мог совершенно. Надо позвонить Димке, и Панфилову тоже, и жене Виктора... еще узнать, как там они оба после операций... и встреча сегодняшняя... глюкнула.

Матвеева разобрал смех. Пиратка заразила его этим словом, смысл которого он понимает, но синоним подобрать не может, что-то между «умереть» и «прийти в негодность», и в чем тут разница, объяснить сложно, но она есть... вот только Димке надо позвонить.

– Эй, ты там затонул? Вылезай, мне тоже нужно туда!

Неугомонная какая! Но Матвеев понял, что она права: нельзя ему долго в горячей воде, сама хозяйка и спасительница замерзла не меньше, чем он, а устала уж всяко больше. Троих мужиков с того света выволочь – это не что попало... Вот только – ну, вылезет он, а дальше что? Снова куцый костюмчик надевать?

– Оберни вокруг себя полотенце, я тебе подам одежду.

Одежду? Откуда ей взяться? Но Матвеев покорно завернулся в широкое банное полотенце, выданное ему хозяйкой, дверь открылась, и тонкая рука подала ему пакет. Матвеев уставился на тонкое запястье, не в силах оторвать взгляд. Где, у кого он уже видел такие руки? Тонкое запястье, длинные пальцы с красивыми овальными ногтями... Наваждение какое-то.

– Одевайся и выходи, а то я сейчас просто лопну и разлечусь на мелкие кусочки, если не влезу в ванну.

Матвеев открыл пакет. В нем оказалось абсолютно новое белье, носки, джинсы и рубашка в клетку. Все с бирками, только что из магазина. Как она провернула этот трюк, Матвеев даже представить не мог, но одежда пришлась впору, и он вышел из ванной с намерением поблагодарить хозяйку, но она, оттолкнув его, с возгласом:

– Ну, слава яйцам, наплескался! – шмыгнула внутрь и включила воду. Матвеев оторопело уставился на закрытую дверь – в более глупом положении он еще не был.

– Не удивляйся, она всегда такая.

Матвеев обернулся. На него смотрела худая, хищная, с отчаянно-рыжей копной кудрявых длинных волос девица. Зеленые кошачьи глаза на бледном лице иронично и откровенно разглядывали его.

– Идем на кухню, буду тебя кормить.

Матвеев совсем уж было собрал в кучу свои впечатления и эмоции, но тут на ногу ему прыгнул серый котенок и проворно полез по штанине. Рыжая закричала:

– Марек, забери тигра, он на нашего гостя решил поохотиться!

– Я не могу, у меня уровень не пройден! Да пусть жрет, тебе жалко, что ли! Он мелкий, всего не сожрет – так, откусит на пробу.

– Сегодня от него, завтра от тебя.

– Чего хочет котэ – того хочет Бог, первая котозаповедь!

– Бестолочь.

Рыжая осторожно отцепила котенка от джинсов Матвеева и скрылась в комнате, откуда с таким безразличием был вынесен ему приговор, а сам он объявлен добычей.

– Все, идем есть, а то так и помереть недолго.

Матвеев покорно пошел за рыжей на кухню. Эти дома строил безумный архитектор, как можно было в такую квартиру втиснуть крохотную кухню!

– Садись, сейчас суп подам.

Это немного старомодное слово «подам» и запах супа, и кутерьма вокруг, и необходимость немедленно сделать несколько дел сразу – все это было так не похоже на упорядоченную жизнь Матвеева, совершенно выбило его из колеи, и только когда он зачерпнул ложкой ароматный суп, снова почувствовал, насколько голоден. Ну хоть аппетит его не оставил.

– Все может изменить человеку, все может измениться, но не аппетит. Меня Валерия зовут, мы с Никой компаньонки. А это чудовище в комнате – ее сын Марек. А ты-то кто?

– Я... Матвеев. Максим Николаевич. Архитектор из Питера. Ехал в командировку, и... вот.

– Ешь. Сейчас принцессу выужу, а то она там уснет. Эй, Ника, ты что, раствориться решила?

Рыжая кричала на весь дом, Матвеев в толк взять не мог, чего она так вопит.

– Чтоб мне раствориться, здешней растворилки не хватит. Налей мне супчику, я выхожу.

Они обе сумасшедшие, решил Матвеев. Но суп был божественный, и когда рыжая взяла его тарелку, чтобы налить добавки, он благодарно вздохнул. Такого супа он не ел очень давно. Как Томки не стало.

Ника вышла из ванной, завернутая в красный уютный халат, доходящий ей до колен и открывающий абсолютно белую кожу и пару весьма неплохой формы ног с тонкими лодыжками. Волосы ее, мокрые и пахнущие цветами, свободно падали на спину, лицо покраснелось, и синие глаза стали просто фантастическими. Таких синих глаз Матвеев ни у кого не видел... или видел? Видел, и воспоминание это пряталось где-то очень далеко, и не ухватить...

– Лерка, ты святая. Только святые умеют варить такой суп. Марек!

Матвеев улыбнулся – он и не знал, что у святых есть особый рецепт супа, но от крика снова дернулся – да что они, совсем не умеют нормально разговаривать?

– Марек, иди к нам, будем чай пить!

- Принесите мне сюда, у меня котэ на плече спит.
- От твоего крика он уже проснулся.
- Типа, от твоего не проснулся. И четыре ватрушки тоже несите.

Рыжая принялась наливать чай в большую кружку, достала тарелки для ватрушек, а Матвеев удивленно наблюдал за этой кутерьмой. По всему видать, что люди здесь абсолютно счастливы и довольны друг другом, да и сам он ощущает тепло, наполняющее этот дом. Они орут друг на друга, с серьезными лицами шутят, причем юмор у них самый что ни на есть черный, но им заметно хорошо вместе.

Рыжая унесла чай и тарелку с ватрушками в комнату, а Матвеев, не глядя на Нику, осторожно спросил:

– Так вы все вместе живете?

– С Леркой? Боже упаси, нет. Она с дочкой в соседнем доме живет, как мужа похоронила шесть лет назад, так и остались вдвоем. А мы с Марексом здесь – это бабушки моей квартира, она мне ее подарила, вот сестра злилась, когда узнала, до сих пор простить мне этого не может! Меня Ника зовут. А...

– А я Макс. Я хотел тебя поблагодарить...

– Не городи глупостей. Не за что меня благодарить, так карта легла, вот и все.

Где-то в квартире зазвонил сотовый, рыжая выскочила из комнаты мальчишки и понеслась искать аппарат. Матвеев отодвинул тарелку и понял, что согрелся и жив, а ведь сегодня все могло закончиться для него навсегда, и тогда как же Димка?

– Мне надо сыну позвонить.

– Сейчас позвонишь, все будет в порядке. – Ника сжала его ладонь. – Не думай об этом, оставь на завтра. Я всегда такие вещи на утро оставляю, на свежую голову думается лучше.

– Лариска звонила, – рыжая принесла телефон, оказавшийся банальной «раскладушкой» вишневого цвета. – Парнишка, что с ногой, в порядке. А который с головой – в реанимации, но Семеныч обещает, что его вытащит.

– Семеныч? – Матвеев чувствует, как сердце заполошно стукнуло. – Кто это?

– Это хирург. – Ника снова ободряюще сжала его ладонь. – Один из лучших, к нему записываются со всей страны. И по санавиации вызывают на такие операции, которые осилить никто не может. А он здесь, у нас, живет – говорит, в маленьких городах народ проще.

Матвеев кивнул. Да, проще и понятней, без всего этого заграничного офисного лоска, невесть зачем позаимствованного у буржуинов и доведенного до абсурда.

– Вот телефон, звони куда надо.

Матвеев набрал знакомый номер. Димка ответил не сразу, но вот в трубке послышался его голос:

– Слушаю вас.

– Дима...

– Пап! – Сын вдруг захлебнулся слезами и стал совершенно не похож на себя. – Пап, где ты был? Я звонил тебе, и дядя Саша звонил, и... никто, никто не отвечал, ни Витя, ни...

– Димка...

– Пап, что это за телефон, где ты?

– Я... я в порядке, ты не плачь, завтра буду дома, главное, что...

– Папа-а-а-а, приезжай сейчас! Сейчас! – Димка плачет навзрыд, и Матвеев понятия не имеет, что делать.

Ника молча взяла у него трубку и вышла из кухни.

– Тише, малыш. Все хорошо. Слышишь? Тише, не надо плакать.

Голос ее стал какой-то совершенно другой, уютный и мягкий. Матвеев взерошил волосы – он иногда забывал, что сыну всего десять, что он совсем мальчишка и вырос без матери –

Димка-Торквемада сам не давал Матвееву вспомнить об этом, но он должен был помнить и учитывать, а ему было очень удобно вот это раннее Димкино взросление.

– Вы кто?

Немного хриплый от слез, но подозрительный голос. Ника улыбнулась – Марек был когда-то точно такой. Он и сейчас такой.

– Я – Ника. Я сегодня твоего папу из воды выудила, вот сидит он у меня дома и греется супом.

– Из воды?

– Если обещаешь, что не сдашь меня, я тебе по секрету расскажу, что случилось.

– Не сдам, честно. Буду молчать, как рыба.

Ника поняла, что этот мальчишка не потерпит лжи и почувствует ее, а потому нужно просто как-то смягчить правду...

– А Витя выживет?

– Будем надеяться, его оперировал очень хороший врач.

– Ой, а дядь Саша-то ничего не знает! – Димка расстроен, но уже не плачет. – Ника, ему нужно сообщить...

– Ты обещал молчать, как рыба, помнишь? Мы сами все уладим, а ты делай вид, что ничего не знаешь.

– Зачем?

– Ну сам-то как думаешь? А если машина не просто так упала с моста? Мы же ничего пока не знаем. Осторожно надо, а то мало ли что.

– Ника, ты с папой к нам приедешь?

– Это вряд ли. Лучше ты к нам приезжай – потом, когда все устаканится.

– У тебя дети есть?

– Ага, но он уже взрослый, мой деть – ему семнадцатый год, в следующем году школу заканчивает.

– А-а-а... понятно. А кот как же?

– У Марека спит.

– Что это за имя – Марек?

– Вообще-то он Марк, но моя бабушка была полькой, и мама... ну, и я в некотором роде. И у нас в доме его имя превратилось вот в такое. Я сейчас твоему отцу трубку дам, так ты его не расстраивай, ладно? Ему больше всех сегодня досталось. Слышишь меня, малыш?

Димка хмыкнул. Никто не называл его «малыш», да и не надо ему это, он взрослый, просто от расстройства расплакался. Но Никин голос в телефоне звучал так сочувствующе... по-родному, что у Димки снова защипало в глазах. Только мама так говорила, мама, о которой он старался не вспоминать, и боялся забыть то, что помнил. Но это не мама, это какая-то чужая женщина, но как она говорит это «малыш» и какой голос у нее... словно знакомый... Димка едва сдержал готовые снова брызнуть слезы.

– Ладно, дай мне минутку.

Ника поняла, что мальчишку надо отвлечь – чем угодно, но отвлечь от страшных мыслей, от пережитого стресса, от того, что он еще надумает, если оставить его одного. И это неправильно – то, что они все здесь, а он там один.

– Хочешь, я тебе скину на телефон фотку нашего Буча?

– Ага, хочу. А когда скинешь?

– Да вот сейчас, сию минуту Мареку скажу, и он...

– А он есть ВКонтакте?

– Есть. Сейчас свяжется с тобой по скайпу, покажет котэ.

– А-а-а-а, ты говоришь «котэ»!

– Ага. Мне кажется, это прикольно. Оно няяшноее!

– Давай, пусть связывается, я хочу посмотреть. И папа пусть войдет в скайп.

– Ты гений. Как я раньше об этом не подумала. Не бросай трубу, я Мареку свою дам, продиктуешь ему номер, а то я совсем чайник.

– Как все старички.

– Ах ты, мелкий гаденьш!

Димка уже хохочет, Ника сунула трубу ничего не понимающему Марку и сделала зверское лицо.

– Это ты Димку сейчас гаденьшем обругала? – Матвеев удивленно смотрит на Нику. – И что он тебе сказал?

– Он и есть мелкий гаденьш, обозвал меня старичками.

– Кем?!

Мир положительно сошел с ума. Чтобы его Димка обозвал старичками незнакомую женщину – этого просто не могло быть, но Матвеев сам слышал, как он хохотал в трубке, и Ника улыбалась, а это значит, что... Непонятно, что это значит.

– Я подключился, идите. – Марк выглянул из комнаты. – Он на связи.

Ничего не понимающего Матвеева потащили в комнату, где во весь экран компьютера улыбалось Димкино заплаканное лицо, а Марк демонстрировал ему котенка.

– Димка!

– Пап! Смотри, какой котэ! Вот нам бы такого!

– Котэ? Почему – котэ? Котэ – это грузинское имя, если я не ошибаюсь, фильм даже есть – «Кето и Котэ». А это кот, его зовут Буч.

– Ничего ты не понимаешь, я тебе потом объясню. – Ника толкнула Матвеева в бок. – Давай, Димка, извиняйся за старичков, иначе обижусь навечно.

– Ладно, не такая уж ты и старая.

Матвеев поперхнулся. Димка, его Димка, – говорил «ты» взрослой женщине, еще и шутил при этом! Но, взглянув на ее смеющееся лицо, понял – совершенно невозможно воспринимать всерьез нормы человеческого этикета, находясь рядом с этим ходячим недоразумением.

– Спать-то ложись, Дим.

– Пап, еще и восьми часов нет... Какое – спать? Я с Марком немного хотел поговорить...

Марк серьезно кивнул, и Матвеев согласился. Пусть Димка отвлечется от пережитого страха. Но как Нике так быстро удалось его успокоить?

– Ну что ты, у меня же свой сын имеется, – Ника снова налила ему чаю. – Я же мать. Всякое случалось, как мне не уметь справиться с мальчишкой? Лер, ты уходишь?

– Ирка там одна, пора мне, я еще в клуб заеду. – Лера надела дубленку и шагнула к двери. – Завтра приду, а сейчас поздно уже. Ты кошек нам пробила?

– А то! В лучшем виде! Ой, Лерка, ты же не знаешь главного! Не уходи, дай я тебе расскажу.

– Давай завтра.

– Нет, нет, сегодня, это не ждет! Слушай, там у них такие чаны здоровенные, а в них стеклянная масса булькает – медленно так ворочается, разноцветная... В общем, берешь трубку, набираешь массу и дуешь – и шар такой выдувается, а ты его в форму, и...

– Так, мне все ясно, ты, как обычно, всюду сунула свой нос. Кто бы сомневался. Все, солнце, вам пора отдыхать. Кстати, Лариска сказала, чтоб ты порошок какой-то выпила, так что давай, пей.

– Я... ты иди, я потом выпью.

– Э, нет, подруга, хитришь. Знаю я, как ты его выпьешь. Где порошок?

– Лер, он горький, как хинин. Лариска решила меня отравить, а я еще нужна обществу. У меня сын и котэ ценной породы.

- Или ты сейчас пьешь порошок, или я скажу Мареку, и он тебя заставит.
- Никакого уважения к свободе волеизъявления. Мерзкий шантаж вдобавок.
- Ага, я рыжая сука, это всем давно известно. Где порошок?
- В кармане.
- Давай, раньше сядешь – раньше выйдешь. Макс, неси воду.

Матвеев из кухни слышал это препирательство и умирал со смеху. Но – тихонько, понимая, что величие момента не позволяет все испортить нечестивым хохотом. А потому он сам всыпал в рот отчаянно горький порошок и запил его водой, Ника же, морщась и фыркая, сделала то же самое под неусыпным контролем подруги.

- Ну, как дитя малое, ей-богу. Все, я побежала, до завтра, ребята.

Она выскочила, каблук ее застучали по лестнице, а Ника поплелась на кухню в поисках чего-нибудь, что поможет перебить горечь во рту. Матвеев тоже не отказался бы, но, помня, что он мужчина, крепился. Правда, когда Ника нашла банан и протянула ему половинку, его решимость пошатнулась.

– Спать надо ложиться, что ли... Завтра работы до фи́га. – Ника вздохнула. – Идем, выдам тебе постельные принадлежности.

Комната, куда привела его Ника, задумана была как рабочий кабинет. Здесь стояли стеллажи с книгами, пианино с десятком советских кукол на крышке, на столе – компьютер, на полках – тоже куклы, было уютно и тепло. Просторная тахта разложена и покрыта пледом, здесь же лежит раскрытая книга. Видимо, именно тут Ника проводит свободное время.

- Откуда столько кукол?

– Вот эти две – мои из детства. Бабушка дарила. А остальные... Знаешь, на блошинных рынках часто вижу – сидит бедняжка, продают ее. Иногда грязная такая, а иногда словно новая, из коробки. Это же наши куклы, еще советские. А они несчастные – предательство такое, поигрались в них, и не нужны стали. И я покупаю. Принесу, вымою, в порядок приведу, платье новое сошью – и вот сюда. Тут они и живут у меня, целая коммуна собралась, видишь? Я их не предаю, и им веселей так жить. Вот, бери белье, постели на тахту и спи. А я схожу в машину, заберу вещи. У меня там ноут, да и шмотки постирать бы не мешало... Ой, а ваза-то! Я же сама себе сделала вазу! Все, я побежала!

- Я помогу.

– Не надо, там нечего нести. Ложись, отдыхай. Мальчишки, похоже, в танчики затеялись, завтра в школу не пойдут опять.

- То есть?

– Когда такая погода стоит, я люблю, чтоб Марек дома оставался, не рухнет без него школа, нечего ребенку по морозу скакать. Потом гранит науки догрызет. Лариска даст ему справку на эти дни, делов-то.

- Но Димка...

– Напишешь записку, и все. Тоже мне, бином Ньютона. Ребенок перенервничал, что ж ему, с утра в школу тащиться? Ладно, укладывайся, а я смотаюсь к машине, волосы только прикрою, а то заледенеют.

Матвеев понимал, что должен что-то ответить, не годится вот так относиться к школе, и вообще это расхлябанность... но, с другой стороны, Ника абсолютно права, не рухнет школа без Димки, а ему на пользу дома посидеть, успокоиться. Ведь могло быть совсем по-другому, уже сегодня его жизнь могла измениться – навсегда, и если бы не Ника, так бы оно и было, но как можно благодарить такую личность, которая... ну, просто не знаешь, что выкинет в следующую минуту? И все схемы и правила человеческого общения и этикета на глазах летят ко всем чертям, и нужно придумывать что-то новое, но как? Матвеев покачал головой и принялся засовывать подушку в наволочку.

Дома это всегда кто-то делал за него – кровать сама оказывалась застеленной, еда – сваренной, тарелки – вымытыми. Он отвык от того, что нужно делать что-то по дому. А теперь, засовывая подушку в цветастую наволочку, пахнущую чистотой, он снова попытался поймать воспоминание, мелькнувшее в его голове при виде тонкого Никиного запястья. Где, у кого он видел такое же?

Хлопнула входная дверь, Матвеев слышал, как Ника, чертыхаясь, стаскивает сапожки, чем-то шуршит, шебуршится... ему хотелось посмотреть, что она там делает, но он не мог – сон свалил его, и последнее, что он помнил, – это тонкое запястье, сжимающее нож, и крик «Убью!» – но это не Ника, а кто-то другой. И он знает, что должен забыть, кто это.

Проснулся он от того, что Ника толкала его в бок.

– Макс, слышишь, Макс, вставай!

Он не мог понять, где находится, потом враз вспомнил – и удивленно посмотрел на Нику, одетую в красную кружевную сорочку.

– Ирка звонила, говорит, Лерки до сих пор дома нет. Я ее искать пойду, а ты тут один останешься, Марек спит, не дай ему увязаться за мной.

Матвеев уже все понял. Поднявшись, он принялся одеваться.

– Ты куда это? – спросила она.

– С тобой пойду, нечего по темноте одной шастать. – Макс пощупал ботинки, стоящие на батарее. – Высохли почти. Куртка тоже высохла?

– Машинка с сушкой, давно высохла. Но тебе после «купания» по холоду не надо бы, и...

В дверь требовательно позвонили. Ника испуганно уставилась на Матвеева – синие глаза сразу стали какими-то детскими, круглыми и беспомощными.

– Я никого не жду, ночь же...

– Может, Валерия?

– У нее ключ есть.

Ну да. Они дружат, они компаньонки в каком-то бизнесе, у них дети примерно одного возраста и одинаковые судьбы, понятно же, что у каждой есть ключ от квартиры подруги. На всякий случай.

В дверь снова позвонили, и слышно стало, что проснулся Марк и шлепает босыми ногами по коридору.

– Сынчик, не подходи к двери!

– Мам, что происходит?

– Максим Николаевич, это я, Олешко.

Голос из-за двери звучал глухо, но внятно. Видимо, человек понял, что так просто его среди ночи никто не впустит.

– Открываем. – Матвеев выдохнул. – Это мой начальник службы безопасности.

Ника набросила халат и подошла к двери. На лестничной клетке топтались трое дюжих молодчиков самого зловещего вида, но раз Макс сказал, что это его охрана – значит, так тому и быть.

– Здравс-с-с-ьте. – Тот, кто назвался Олешко, неловко переступил с ноги на ногу и даже поклонился. – А Максим Николаевич...

– Входите скорей, всех соседей перебудите!

Ника отступила, и парни один за другим вошли в прихожую. Матвеев просто кожей ощущал, как они вытеснили все пространство этой, в общем, не такой уж и маленькой для типовой квартиры передней.

– Максим Николаевич, а мы-то беспокоились! – Олешко чувствовал себя не в своей тарелке. – А пока добрались...

– Как же вы меня нашли?

– Обижаете, шеф, – Олешко сконфуженно поглядывает на Нику. – Дама с Димкой вашим пошепталась по телефончику, а потом вы в скайпе показались, ну, мы и... Служба такая, Максим Николаевич, что ж. Всяко прошу прощения, мадам.

– А, да ну вас в пень! – Ника метнулась в спальню и принялась лихорадочно одеваться. – У меня Лерка пропала, а вы тут со своими шпионскими играми, бестолочи!

Ника понимала, что сейчас Матвеев уедет куда-то в свою жизнь, и эта жизнь никак больше не пересечется с ее, Никиной, потому что у нее отродясь не было никакого начальника службы безопасности, да и самого завалыщего охранника, кроме тех, что в клубе, – и те не нужны ей, но люди, у которых эта самая охрана имеется, они не просто так...

– Ника...

– Чего? Все хорошо, тебя нашли твои, водитель ваш выживет, вот посмотришь, машину, конечно, жаль, но тут уж ничего не поделаешь, ты езжай со своими, у тебя небось дел полно, а мне надо Лерку искать, может, она там... а холодно же...

– Ника, тебе никуда бежать не надо. – Матвеев взял ее лицо в ладони. – Успокойся. Есть кому искать, и они найдут. Фотографию только выдай, опишем, во что она одета, и найдут.

– И телефончик бы, – Олешко сочувствующе посмотрел на Нику. – А вам после пруда не стоит по морозу. Лишнее это. Есть фотографии подружки?

Ника дрожащими пальцами достает фото, где они с Леркой вместе. Олешко, посмотрев на снимок, хмыкнул и спрятал в карман куртки.

– Не беспокойтесь. Сейчас подтянем всех и найдем ее в лучшем виде. Максим Николаевич, я тут уж на честное слово не надеюсь – вот как хотите, а ребята здесь с вами останутся.

– Но...

– Останутся, уж извините, мадам. Да они смирные, тихонько посидят, а вы спать ложитесь. Максим Николаевич, вот же я, голова два уха, едва не забыл. Телефончик-то ваш утонул, надо понимать, так вот вам новый, нужно, чтоб связь была. Все, счастливо оставаться, и не беспокойтесь – найдем мы вашу подружку, из-под земли достанем!

– Не надо – из-под земли!

– Ну, это поговорка такая. А ребята с вами побудут, мало ли что...

Ника беспомощно взглянула на шкафоподобных «ребят».

– Там суп есть, будете?

Они переглянулись, посмотрели на шефа и сделали каменные лица:

– Никак нет!

– Глупости какие. Идите, поешьте. Максим, ты своих служащих моришь голодом?

– Никак нет. Идите, ребята, похлебайте горячего. Я никуда не денусь.

Матвеев глянул на часы – двенадцатый час, за окном темень, где сейчас может быть рыжая Лерка? Она ушла домой и живет-то совсем рядом, куда она могла подеваться?

Зазвонил телефон, и по цифрам Матвеев узнал номер Паши Олешко.

– Максим Николаевич, тут такое дело...

– Не тяни резину. Нашли?

– Нашли, далеко искать не пришлось, в подвале ее же дома. Голова проломлена, ни денег, ни документов, ни драгоценностей при ней нет, под ограбление сработано.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Кто-то допрашивал ее. Вокруг рта видны следы клейкой ленты, на шее – след от шокера. Вырубили, обездвигили, оттащили в подвал, подождали, пока придет в себя, допросили – и в расход, типа, ограбили даму, и все тут...

– Так она...

– Жива, но – только не знаю, довезем ли. Уже вызвали знаменитого Круглова Валентина Семеныча, едет. Вы там своей даме как-то втолкните аккуратней, она хоть и крепкая с виду барышня, а душа у нее детская, вот что я вам скажу.

Матвеев машинально сунул трубку в карман и потер лоб – как можно сказать такое «аккуратней», он понятия не имел. Но лучше сказать это на кухне, когда она чем-то занята, чем когда они останутся вдвоем, и он не будет знать, как ее утешить.

– Ника...

Нике не пришлось объяснять аккуратней. По одному виду Матвеева она поняла, что стряслась беда, и возможно, непоправимая, что теперь делать, она не знала, потому что Лерка была ее опорой, ее спасательным кругом...

– Она жива, ее везут в больницу. Ребята нашли Леру очень быстро, – Матвеев торопился сказать, что все не так уж плохо. – Кто-то напал на нее в подъезде ее дома, череп проломлен, но она жива, и хирург Круглов уже едет...

– Семеныч вытащит Лерку, если есть хоть один шанс, он ее вытащит! Надо Лариске позвонить, и...

Звук сотового из кармана вернул Нику в равновесие. Так и есть, это звонит Лариса.

– Иди к Ирке, Ника. – Лариса говорит спокойно, но Ника чувствует напряжение в голосе. – Забери ее к себе, не надо ей одной.

– Как?..

– Все непросто, но Семеныч готовит Леру к операции. Будут новости – позвоню. У нее группа крови...

– Первая положительная, как у меня!

– Возможно, потребуется переливание, сейчас ночь, и...

– Я приеду. Марк побудет с Ирккой, ее к нам приведут, есть тут граждане, которые годятся для этого. А я сейчас приеду.

– У меня тоже первая положительная, я с тобой поеду. Ребята, вам сейчас выдадут адрес, приведете в эту квартиру девочку и останетесь здесь. Ясно? – сказал Матвеев.

– Но Павел Иванович велел...

– А я вам велю другое. – Матвеев упрямо взглянул на охранников. – И что вы станете делать?

– А ничего. Руслан пойдет за девчонкой, а я поеду с вами. И все будет ладно. Звоните девочке, хозяйка, чтоб она Руслана впустила.

– Я позвоню. – Марк, уже вполне проснувшийся, всем своим видом показывал, что все слышал. – Мам, езжай, может, Лере кровь уже сейчас нужна.

– И то. Давай, Макс, мешкать нечего.

Ника гонит машину по пустым улицам, наплевав на перекрестки и светофоры, – где-то там ее Лерка борется со смертью, и она не позволит ей проиграть. Потому что есть Ирка, есть они с Мареком, есть их клуб – дело всей жизни, можно сказать, и умирать сейчас совершенно не ко времени, тем более что еще кошки приедут, те самые, стеклянные, а это нужно Лерке увидеть обязательно!

– Ника, все будет хорошо, вот увидишь.

– Лерка... она не такая везучая, как я, понимаешь? Вот я – да, страшно везучая, мне всегда фартит, а Лерке нет, ей все с боем дается, и теперь...

– Теперь она победит. Она же всегда побеждает, да?

– Да. Мы вместе.

– Вы и сейчас вместе. Ты же везучая, а большего невезения, чем потерять лучшую подругу, и представить невозможно.

– Ты прав. Черт подери, ты прав! – Ника нажала на газ. – Все, вот больница, добрались. Вытряхивайтесь.

Матвеев снова входит в приемный покой, там их уже ждет Лариса – он плохо запомнил ее лицо с первого раза и сейчас рассматривает стройную невысокую женщину с усталыми серыми глазами, маленьким носиком и строгим ртом.

– Готовы к переливанию? – Лариса ведет их, переодетых в халаты и бахилы, по больничному коридору. – Максим, вы не болели болезнью Боткина? Потому что о Нике я знаю все, а вы...

– Нет.

– У вас нет известных противопоказаний для донорства, как то: туберкулеза, венерических болезней, сердечно-сосудистых заболеваний, псориаза, астмы, заболеваний почек и печени и...

– Нет, ничего такого. Не болел, не привлекался, не пребывал на оккупированной территории.

– Это не шутки, – Лариса хмурится. – Лере не хватает только подцепить какую-то болячку. Впрочем, мы протестируем кровь, конечно, но время, время...

Они идут в кабинет, где Лариса и медсестра в маске уже приготовили все для переливания. Ника ненавидит иглы, терпеть не может подобные процедуры, но если Лерке нужна ее кровь – пусть забирает, не вопрос, лишь бы ей это помогло.

– Перестань пищать, ты уже большая девочка.

– Больно же...

– Отвернись и не смотри. – Лариса вздохнула. – После такого стресса и переохлаждения, конечно, это нежелательно, но делать нечего, где мы среди ночи наберем столько крови нужной группы... Все, полежи, выпей микстуру и не вскакивай раньше времени. Ты – тоже. – Лариса движением пальца пригвоздила Матвеева к кушетке и сунула ему в руки стаканчик с какой-то микстурой. – В общем, лежите и ждите меня. Можете поспать.

Матвеев хмыкнул – как же, поспать... Какой сон, когда вдруг, неведь откуда, свалилась на него неведомая напасть, да еще девчонок втянул, и дошло до такой беды! И ведь неизвестно еще, что с Виктором будет, а у него дети совсем маленькие.

– Ой, смотри...

Ника указывает на его правое запястье и протягивает свою руку. На ее запястье темнеет родимое пятно в виде неправильного овала – точно такое же, как у самого Матвеева.

– У Марека тоже есть, чуть бледнее, чем мое, и вдруг гляжу – у тебя точно такое же! Это странно...

Матвеев прикоснулся к запястью Ники – да, точно, у него одного в семье такое было, и отец иногда смеялся – бог шельму метит! – потому что он один рисовал и тянулся к искусству, отец с матерью были физики до мозга костей: отец – в прямом смысле, преподавал физику в институте, имел звание профессора, а мать раньше работала инженером в конструкторском бюро. Матвеев никак не продолжил династию, но его необычная для семьи тяга к рисованию, а потом и к архитектуре, была и есть предметом семейной гордости.

– Я всегда думала в детстве, что меня отметила какая-то фея. – Ника улыбнулась своим мыслям. – Эта штука казалась мне похожей на облачко, и я иногда представляла себе, что она, эта фея, когда-нибудь прилетит и заберет меня с собой.

– Тебе плохо жилось в семье?

– Да не то чтобы плохо... Просто я среди них была какой-то не то что белой, а зеленой вороной, что ли. Меня постоянно пытались «исправить», словно я бракованный механизм. Ну, знаешь, когда ты делаешь все не так, как надо, – правда, никто не объясняет, кому надо так, а не иначе, или когда ты не вписываешься в какие-то рамки, хотя тебя в них втискивают изо всех сил, но либо рамки гнутся, либо что-то остается торчать. А вот сестра Женька – та само совершенство, понимаешь?

Матвеев улыбнулся. Конечно, он понимает – он и сам не знал сегодня, что делать с этим странным существом, и никакого обычного разговора с ней не получилось в принципе, потому что все у нее шиворот-навыворот, но от этого она кажется настоящей.

– А отец Марка? Или это большая тема?

– Да ну... Не то чтоб больная. Я после школы уехала в Москву учиться. Поступила на факультет журналистики МГУ, даже сама не знаю как – просто экзамены сдала, сочинение написала. Я еще не знала, чего хочу в жизни, но точно знала, чего не хочу – сидеть в какой-нибудь пыльной конторе от звонка до звонка. Меня такая перспектива просто ужасала. В общем, поступила, а родители в Питере остались, и Женька тоже.

– Это сестра?

– Ну да, сестра. Такой, знаешь, злонаблюдательный ум. И почему-то наблюдал этот ум всегда за мной. Я, правда, до этого два года здесь, в Александровске, жила, с бабушкой, и все равно – свобода, какие-то новые люди, время перемен, жизнь впроголодь, зато долой мешанские предрассудки. Он был мажорный мальчик – родители в министерстве, квартира в центре Москвы, и я тут вся такая из себя – не то эльф, обожравшийся пирогом, не то провинциальная идиотка, считающая всех людей прекрасными, а мир – приемлемым местом для жизни. Ну, любовь там, все по-взрослому, и так почти три года, а потом мама с папой ему велели не валять дурака, потому что нарисовалась более выгодная во всех отношениях партия. И, конечно, он побежал туда – там папа не то банкир, не то депутат, или то и другое вместе, а я осталась при Марекке. Конечно, никаких скандалов я закатывать не стала, поговорила с бабушкой, она сказала: да на кой ляд тебе рядом это дерьмо? Что мы, ребенка без него не вырастим? Я подумала – а и правда, и успокоилась. Ну а по итогу все сложилось неплохо – родители, конечно, поставили мне условие: избавиться от ребенка или... Ну, «или» там – не «или», а я вернулась к бабушке – сюда, в эту квартиру. Бабушка Магда Юзефовна Сливинская, мамина мать, – вот она меня принимала такой как есть и любила. К ней я и приехала рожать, со свежим дипломом на руках. В эту квартиру Марекка принесла, в костеле около дома его крестили.

– Так ты католичка?

– Я не знаю, наверное, католичка, а может, и вовсе некрещеная – я родилась в Казахстане, там жила мать отца, и мама поехала рожать туда, так он хотел. Он сам тогда служил где-то за границей, и крестили меня или нет, я не знаю, надо бы у мамы спросить, да все недосуг, а Марек – точно католик, его крестили в костеле, и бабушка присутствовала, а Лерка была крестной, хотя тоже не знает, католичка она или нет. Вот так и живем. Родители, конечно, смирились...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.